

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации серия ПИ № ФС77-85189 от 17 апреля 2023 года)

Члены редакционной коллегии:

Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород, Россия) – главный редактор.

Чернышева Юлия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (Елец, Россия) – ответственный секретарь, технический редактор.

Алонцева Дина Викторовна, доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой юриспруденции им. В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (Елец, Россия).

Аристов Евгений Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия).

Васильев Антон Александрович, доктор юридических наук, профессор, директор юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия).

Голик Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (Москва, Россия).

Карлуш Кете Жорже, доктор права (PhD), профессор государственного Университета Агостиньо Нето и Католического университета Анголы (г. Луанда, Республика Анголы).

Кузьменко Элла Юрьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (Тамбов, Россия).

Кургузкина Елена Борисовна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал) (Воронеж, Россия).

Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород, Россия).

Пабло Чан Ибарра Ан Пин, доктор права (PhD), профессор Университета Латинской Америки (UDLA, Эквадор).

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований за-

---

конодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Санка Мохаммед, доктор права (PhD), лектор центра исследований мира и безопасности факультета устойчивого развития Университета исследований в области развития (Тамал, Республика Гана)

Таболин Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права Департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления (Ростов-на-Дону).

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западного государственного университета» (Курск, Россия).

The founder and the publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bunin Yelets State University» (399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1).

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. (Certificate of registration: PI № FS77-85189 of 17, April 2023).

The editorial board:

Safronova Elena Viktorovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University» (Belgorod, Russia) – Editor-in-chief.

Chernysheva Yulia Andreevna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakova FSBEI HE "Yelets State University named after I. A. Bunin" (Yelets, Russia) – Executive Secretary, Technical Editor.

Alontseva Dina Viktorovna, Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

Aristov Evgenii Vyacheslavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the department of constitutional and administrative law Perm State National Research University (Perm, Russia).

Vasiliev Anton Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute of the Altai State University, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Altai State University (Barnaul, Russia).

Golik Yuri Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Carlos Kete Jorge, Doctor of Law (PhD), Professor at the Agostinho Neto State University and UCAN (Luanda, Republic of Angola)

Kuzmenko Ella Yuryevna, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia).

Kurguzkina Elena Borisovna, Professor of the chair of Criminal Procedural Law, Doctor of Law, Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh, Russia).

Marina Vasilyevna Markhgeym, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University» (Belgorod, Russia).

Pablo Chan Ibarra An Ping, Doctor of Law (PhD), Professor at the University of Latin America (UDLA, Ecuador).

Pashentsev Pashentsev Dmitry Alekseevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Research Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Sankah Mohammed, Doctor of Law (PhD), Lecturer at the Center for Peace and Security Studies of the Faculty of Sustainable Development of the University of Development Studies (Tamal, Republic of Ghana)

Tabolin Vladimir Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law of the Department of Public Law Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Shatkovskaya Tatiana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).

Sheveleva Svetlana Viktorovna, doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law of Southwestern State University (Kursk, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Сафронова Е.В., Карсканова С.В. Определение государственной идеологии
сквозь призму консервативной политико-правовой доктрины 8

Овчинников А.И. Законодательство и духовно-нравственная безопасность Рос-
сийской Федерации: механизмы сохранения, защиты и конституционализации 15

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алонцева Д.В., Орехов К.Ю. К вопросу развития института «налоговая ответ-
ственность» в условиях построения цифровой экономики 21

Мирончуковская В.В., Иншакова К.П. Вопросы наделения саморегулируемых
организаций публично-властными функциями: проблемы и пути совершенствова-
ния 29

5.1.3. Уголовно-правовые науки

Голик Ю.В., Рыбалко С.С., Чернышева Ю.А. Правовые меры обеспечения ре-
лигиозной безопасности в Российской Федерации 38

Полтавский Б.С., Жаглин А.В., Чернышева Ю.А. Отечественная история ста-
новления и развития уголовной политики в сфере противодействия экстремитской
деятельности до современного периода 45

Поваляева А.В., Мирончуковская В.В. История развития уголовного законода-
тельства в сфере обеспечения информационной безопасности в России..... 56

Савенков Р.Л., Алонцева Д.В. Понятие, причины и классификации преступле-
ний, совершаемых на религиозной почве..... 68

Очеретько Е.А., Плахотная Е.А. Об отдельных аспектах уголовно-правовой
охраны объектов археологического наследия в Российской Федерации 76

НАШИ АВТОРЫ 86

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 90

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Safronova E.V., Karskanova S.V. Definition of state ideology through the prism of conservative political and legal doctrine 8

Ovchinnikov A.I. Legislation and spiritual and moral security of the Russian Federation: mechanisms of preservation, protection and constitutionalization 15

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences

Alontseva D.V., Orekhov K.Yu. On the development of the institute "tax responsibility" in the context of building a digital economy 21

Mironchukovskaya V.V., Inshakova K.P. Issues of empowering self-regulatory organizations with public power functions: problems and ways to improve 29

5.1.3. Criminal Law Sciences

Golik Yu. V., Chernysheva Yu. A., Rybalko S.S. Legal measures to ensure religious security in the Russian Federation 38

Poltava B.S., Zhaglin A.V., Chernysheva Yu.A. The patriotic history of the formation and development of criminal policy in the field of countering extremist activities until the modern period 45

Povalyaeva A.V., Mironchukovskaya V.V. The history of the development of criminal law in the field of information security in Russia 56

Savenkov R.L., Alontseva D.V. The concept, causes and classification of crimes committed on religious grounds 68

Ocheretko E.A., Plakhotnaya E.A. On certain aspects of the criminal law protection of archaeological heritage sites in the Russian Federation 76

OUR AUTHORS 86

FOR THE AUTHOR'S INFORMATION 90

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 341.161

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Е.В. Сафронова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

С.В. Карсканова

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
(Москва, Россия)

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам определения государственной идеологии сквозь призму консервативной политико-правовой доктрины. Авторы отмечают, что одной из важнейших проблем современного российского общества выступает поиск объединяющей государственной идеи. Однако никто не создает идеологию на пустом месте, в ее поиске общество использует духовный опыт предыдущих поколений. Связь понятия «идеология» с понятием «государство» отражает социальный процесс, в котором значимая для большинства народа идея признается и защищается государством в качестве руководящей. По мнению авторов, в настоящее время российское общество как никогда испытывает потребность в консолидирующих идеях. Господство либеральной идеологии ведёт к атомизации общества и заводит его в тупик. В этой связи интерес представляет эпоха XIX – начала XX вв., когда баталии западников и славянофилов (либералов и консерваторов) велись не только в теоретической, но и в практической плоскости. XIX век в государственно-правовой истории России характеризуется неоднократными попытками либеральных реформ, формированием правовой науки, ориентированной на западную политико-правовую мысль, тенденцией систематизации знаний о праве, тщательной разработки вопросов юридической техники, широких научных обобщений, сравнительного метода.*

Авторы делают вывод, что консервативная политико-правовая доктрина дает ответы на многие вызовы современности. Пришла пора вспомнить слова Святителя Феофана Затворника: «Коренные начала жизни русской выражаются тремя привычными словами: православие, самодержавие, народность. Вот что надобно сохранять! И когда изменятся сии начала, русский народ перестанет быть русским».

Ключевые слова: консерватизм, государственная идеология, проблем современного российского общества

DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-8-14

DEFINITION OF THE STATE IDEOLOGY THROUGH THE PRISM OF CONSERVATIVE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE

Elena V. Safronova

Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia)

Svetlana V. Karskanova

O.E. Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

***Abstract.** The article is devoted to the issues of defining state ideology through the prism of conservative political and legal doctrine. The authors note that one of the most important problems of modern Russian society is the search for a unifying state idea. However, no one creates an ideology from scratch; in its search, society uses the spiritual experience of previous generations. The connection of the concept of "ideology" with the concept of "state" reflects a social process in which an idea significant for the majority of the people is recognized and protected by the state as a guiding one. According to the authors, Russian society is currently in need of consolidating ideas more than ever. The dominance of liberal ideology leads to the atomization of society and leads it to a dead end. In this regard, the epoch of the XIX – early XX centuries is of interest, when the battles of Westerners and Slavophiles (liberals and conservatives) were fought not only in theory, but also in practice. The 19th century in the state and legal history of Russia is characterized by repeated attempts at liberal reforms, the formation of legal science focused on Western political and legal thought, the tendency to systematize knowledge about law, careful development of issues of legal technique, broad scientific generalizations, and the comparative method.*

The authors conclude that the conservative political and legal doctrine provides answers to many challenges of our time. It is time to recall the words of St. Theophan the Recluse: "The fundamental principles of Russian life are expressed in three familiar words: Orthodoxy, autocracy, nationality. That's what you need to keep! Russian Russian people will cease to be Russian when these beginnings change".

***Keywords:** conservatism, state ideology, problems of modern Russian society*

В прошлом году страна отмечала 30-летие российской конституции. Одной из главных новаций ныне действующего основного закона, вызывающей много вопросов, является норма «об идейном многообразии», закрепленная в статье 13 первой главы. Данное положение не имеет аналогов в мировом законодательстве, и это понятно: «Без высшей идеи, - отмечал Ф.М. Достоевский, - не может существовать ни человек, ни нация».

Одной из важнейших проблем современного российского общества выступает поиск объединяющей государственной идеи. Однако никто не создает идеологию на пустом месте, в ее поиске общество использует духовный опыт предыдущих поколений. Связь понятия «идеология» с понятием «государство» отражает социальный процесс, в котором значимая для большинства народа идея признается и защищается государством в качестве руководящей.

Общеизвестно, что на поиск инвариантной (константной) формулы русской национальной государственности – «русской идеи» всегда была сориентирована консервативная общественно-политическая мысль. Несмотря на разнообразие консервативных теорий, объединяло их стремление к выявлению определенных начал органи-

---

зации общественной и государственно-правовой жизни, требующих их сохранения (охранения) и консервации с целью реализации высокого метафизического предназначения России.

Активное насаждение в России либеральной идеологии результата не имеет. Более чем 4-х вековой опыт попыток европеизации России является убедительным свидетельством неэффективности подобных устремлений, но желания привести государство, экономику, политику и право в соответствие с европейскими стандартами не иссякают. Главные бренды (или правовые фетиши) современных либералов – это демократия, правовое государство, гражданское общество. Им посвящено огромное количество работ, но не менее важным, на наш взгляд, выступает исследование сверхценностей (констант, базовых институтов), на охранение которых нацеливала консервативная политико-правовая доктрина. Образно основную идею консервативной доктрины выразил, на наш взгляд, И.Л. Солоневич: «Российская государственность строилась на Православии, а не на юриспруденции. Все попытки перевода с православного языка на язык «конституций» суть попытки безнадежные» [12].

В настоящее время российское общество как никогда испытывает потребность в консолидирующих идеях. Господство либеральной идеологии ведёт к атомизации общества и заводит его в тупик. Серьёзные аналитики уже сегодня предрекают крушение «либерального строя» и отмечают насущную необходимость «инвестировать в первую очередь интеллектуальные усилия в грядущую альтернативу в то, что должно прийти на смену рушевшемуся либерализму» [5]. Однако поиск новых идей невозможен без глубокого анализа прошлых, тем более тех, которые всегда выступали противником либерализму.

В этой связи интерес представляет эпоха XIX – начала XX вв., когда баталии западников и славянофилов (либералов и консерваторов) велись не только в теоретической, но и в практической плоскости. XIX век в государственно-правовой истории России характеризуется неоднократными попытками либеральных реформ, формированием правовой науки, ориентированной на западную политико-правовую мысль, тенденцией систематизации знаний о праве, тщательной разработки вопросов юридической техники, широких научных обобщений, сравнительного метода [6]. Именно этот период можно назвать временем расцвета русского консерватизма.

Понятие консерватизм происходит от латинского *conservo* – сохранение, сбережение [10], *conservare* – хранить, спасать, беречь, оставлять невредимым, сберегать [11], щадить, соблюдать (порядок вещей), выполнять обещание [4]. Это понятие употребляется в двух смыслах. Во-первых, для обозначения древнейшего свойства человеческой природы, выражающегося в стремлении к устойчивости жизни, в том числе в любом даже самом радикальном политическом течении, где всегда есть люди, тяготеющие к закреплению и использованию уже достигнутого. Во-вторых, рассматриваемым понятием обозначается самостоятельное идейно-политическое течение.

Ряд исследователей зарождение русского консерватизма относят к концу XVIII века, а первым документом, отражающим консервативные идеи, называют записку князя М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России». Однако говорить о зарождении консервативного движения и комплексной доктрины еще не приходится. Так, В.Я. Гроссул, отмечает, что, несмотря на то, что XVIII в. отмечен деятельностью таких явных консерваторов, как князь М.М. Щербатов, митрополит Арсений Мацеевич, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, говорить о возникновении консервативного движения ещё нет оснований. По его мнению, консервативное общественно-политическое движение – это ответ определённых духовных и политических сил России на крайне незначительные либеральные «потуги» эпохи Александра I, когда стремление изменить

государственно-правовые основы национальной государственности на «западный (вольтерьянский) манер» вызывало скрытый или явный протест определённой части отечественного «мыслящего сословия», от представителей императорской семьи – императрицы Марии Фёдоровны, великого князя Константина Павловича и др. – до учёных политических деятелей XIX-XX вв. [3].

Зарождение идейной платформы российского консерватизма связано с именем Н.М. Карамзина, в работах которого отчетливо проявилось преодоление зависимости общественной мысли от идей европейского Просвещения. Именно им были высказаны ключевые принципы отечественной консервативной доктрины: идея самобытности отечественной государственности; критика рационалистической философии, историософизация самодержавия как исходного начала русской государственности; негативное отношение к радикальным (революционным преобразованиям); требование опоры на отечественную традицию в законодательном процессе. Н.М. Карамзин первым поднял проблему специфики российской государственности и базовых начал ее образующих.

Последующее развитие государственно-правовой и философско-этической платформы консерватизма шло в рамках целого ряда оригинальных консервативных направлений общественно-политической мысли: славянофильском (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Астахов, Ю.Ф. Самарин); почвенническом (Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, А.А. Григорьев), государственно-охранительном (К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров), ультраконсервативном (византийском) (К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, В. П. Мещерский), этико-правовом (П.Е. Казанский, А.Н. Захаров).

Несмотря на широкую палитру консервативных течений, их объединял ряд общих концептуальных подходов к обоснованию общественного и государственно-правового развития:

Во-первых, это стремление к выработке аксиологической позиции в обосновании общественного развития. Идеалы государства, права и общества определялись на основе ценностного подхода. В отличие от либералов и радикалов представители консервативной доктрины не стремились к рациональному обоснованию права и государства. При этом для консервативной аксиологии было свойственно выделение абсолютных (базовых, инвариантных) традиционных ценностей, требующих охранения, на которых базируется русская государственность. Лучше всего константная формула отечественной государственности была выражена в теории официальной народности. Она, по образному выражению М.П. Погодина, определяла «столпостены» отечественной государственности: «православие – самодержавие – народность».

Во-вторых, для консервативной доктрины была характерна тесная связь с религиозным (православным) миросозерцанием, отрицание сугубо позитивистского и секулярного подхода к праву и власти. Право консерваторами интерпретируется в системе этико-религиозных координат («правда», «справедливость», «мораль», «добро») и подчиняется высшим нормативным системам (религии и нравственности). Идея властвования базируется на идее единоначалия, служения и охранения традиционных ценностей. Н.М. Карамзин указывает на единоначалие как на панацею от российских бед: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [7]. При этом «самодержавие» в консервативной доктрине никогда не определялось как особая форма правления или как синоним понятия «абсолютизм». Скорее этот термин рассматривался как тождественный термину «суверенность».

В-третьих, идея приоритета прав и интересов социального коллектива над личными. Фундаментальной ценностью консерваторы признавали, прежде всего, общность (народность, государственность). Западноевропейской идее приоритета прав личности противопоставлялась идея защиты коллективных интересов. Для консерваторов про-

---

блема соотношения свободы личности и государственного принуждения снималась за счет религиозного фактора. Государство «обязано всегда быть грозным, иногда жестоким и безжалостным, потому что общество всегда и везде слишком подвижно, бедно мыслью и слишком страстно», - писал К.Н. Леонтьев [8].

В-четвертых, отказ от радикальных форм преобразования государственно-правовых институтов, настороженное отношение к модернизации. Консерватизм стал своеобразной реакцией на исходящую от революции угрозу традиционным ценностям, привычному образу жизни и мыслей. Приверженцы традиционализма считали, что чем древнее традиции, тем ценнее они для общества, так как древность доказывает сугубую необходимость традиции. Самая важная функция традиции заключается в том, чтобы связывать между собой прошлое, настоящее и будущее. Если действовать без учёта прошлого и пытаться создать новое на пустом месте, то это нарушает связь времён и приведёт к разложению и развалу. А наличие такой связи обеспечит нерушимость общественных устоев, надёжность и упорядоченность жизни людей. Однако это не означало стремления к тотальной консервации. Выступая за сохранение существующих порядков, консерваторы не отвергали изменений вообще и не призывали к полному возврату в прошлое. Они понимали, что время необратимо, и что сам естественный ход вещей сопряжён с изменениями. Консерваторы чётко осознавали «реальный социальный факт: любая ценность может быть сохранена только при условии творческого к ней отношения» [14]. Консерваторы считали, что с помощью революции общество улучшить невозможно, поскольку радикальное разрушение устоявшихся структур нарушает связь времён и ведёт к негативному результату. Лев Тихомиров, вспоминая своё революционное прошлое, писал: «В истории я учил только то, что времена монархии есть времена «реакции», времена республики – эпоха прогресса. Всё, что мы читали и слышали, всё говорило, что мир развивается революциями. Мы в это верили, как в движение земли вокруг солнца» [13].

Консерваторы признавали только один тип изменений – медленные, постепенные преобразования с устранением всего исчерпавшего себя и максимальным сохранением всего жизнеспособного и жизнедеятельного. Главным для консерваторов является сохранение, а не коренная ломка. Свою ключевую задачу они видели в том, чтобы не отбросить старое, а преодолеть его через внутреннее преобразование, чтобы осуществить его обновление без нарушения связи времён [1]. Отстаивая эволюционный путь развития вместо революционных переворотов, консерваторы обращали внимание на то, что «прогресс в благородном понимании этого слова есть здоровое развитие - стало быть, радикальная ломка государственного и бытового строя не есть прогресс. Все живое растет очень медленно. Никакие органы не создаются по команде преобразователей. Только то прогрессивно, что жизненно и что дает наибольшее количество блага. Эволюция в природе вообще идет стихийным, а не катастрофическим путем: чрезвычайно осторожным нащупыванием условий и медленным их синтезом. Вот почему истинный национализм враждебен кровавым революциям...» [9]. Представители консервативной мысли выступали за необходимость определённых реформ, но ставили их в зависимость от национальных традиций, образа жизни, сложившихся религиозных норм [2]. Консерватизм стал своеобразной реакцией на исходящую от революции угрозу традиционным ценностям, привычному образу жизни и мыслей. Консерваторы чётко осознавали «реальный социальный факт: любая ценность может быть сохранена только при условии творческого к ней отношения» [14]. Перспективы прогрессивного развития России мыслились только при сохранении инвариантных начал, к числу которых, прежде всего, относили самодержавную систему организации власти. При этом её обоснование строилось на метафизическом принципе – богоданности.

В свете изложенного следует особо отметить неправомотность встречающегося нередко отождествления понятия «консерватизм» с понятием «реакционность». Реакционность от латинского «реакции» - противодействие, то есть такое отношение к действительности, которое противодействует развитию, полностью отрицает его и борется за сохранение того, что уже окончательно исчерпало себя и не способно к улучшению. А.П. Боровиков отмечает, «что реакционность представляет собой стремление сохранить не жизнь, а безжизненные окостенелые формы. Она по существу разрушительна, ибо отталкивает жизнь назад, препятствует общественному прогрессу» [1]. Консерватизм же признаёт развитие лишь в виде постепенной эволюции с опорой на традиционные ценности и максимальным сохранением всего жизненного из них.

Таким образом, консервативная политико-правовая доктрина, на наш взгляд, дает ответы на многие вызовы современности. Пришла пора вспомнить слова Святителя Феофана Затворника: «Коренные начала жизни русской выражаются тремя привычными словами: православие, самодержавие, народность. Вот что надобно сохранять! И когда изменятся сии начала, русский народ перестанет быть русским».

Литература

1. Боровиков А.П. Классический консерватизм. – СПб., 1997. – С. 4.
2. Биюшкина Н.И. Политико-правовое развитие российского государства в условиях охранительного внутривполитического курса (1870 – 1890-е гг.). Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. – Нижний Новгород, 2012. – С. 30.
3. Гроссул В.Я. Долгий путь русского консерватизма // Наука в России. – 2001. – № 3. – С. 78.
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 1976. – С. 241.
5. Дугин А. Агония либерализма // <http://www.russia.ru/news/politics/2012/9/21/1085.html>.
6. Исаев И.А. Антология мировой правовой мысли в пяти томах. – Том V. – М.: «Мысль», 1999. – С. 5.
7. Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 4. Т. X-XII. – М., 1998.
8. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). – М., 1996. – С. 221.
9. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. – М., 1999. – С. 312.
10. Политическая энциклопедия. Том 1. – М.: «Мысль», 1999. – С. 550.
11. Полный латинский словарь. – М., 1862. – С. 212.
12. Солоневич И.Л. Царь и помещики // Наша страна. – 1949. – № 14. – С. 36.
13. Тихомиров Л.А. Воспоминания Льва Тихомирова. – М. - Л., 1927. – С. 29, 31.
14. Шамшурун В.И. Эпистемология либерального консерватизма (Опыт аналитического подхода): Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – М., 1995. – С. 7.

References

1. Borovikov A.P. Classical conservatism. – St. Petersburg, 1997. – P. 4.
  2. Biyushkina N.I. Political and legal development of the Russian state in the context of a protective domestic political course (1870-1890s). Dissertation for the degree of Doctor of Law. – Nizhny Novgorod, 2012. – P. 30.
  3. Grossul V.Ya. The long way of Russian conservatism // Science in Russia. – 2001. – No. 3. – P.78.
  4. Dvoretzky I.H. Latin-Russian dictionary. – M., 1976. – P. 241.
-

-
5. Dugin A. Agony of liberalism // <http://www.russia.ru/news/politics/2012/9/21/1085.html> .
  6. Isaev I.A. Anthology of world legal thought in five volumes. Volume V. – M.: "Thought", 1999. – P. 5.
  7. Karamzin N.M. History of the Russian state. Book 4 Vol. X-XII. – M., 1998.
  8. Leontiev K.N. Vostok, Russia and Slavyanism: philosophical and political journalism. Spiritual prose (1872-1891). – M., 1996. – P. 221.
  9. Menshikov M.O. Letters to the Russian nation. – M., 1999. – P. 312.
  10. Political encyclopedia. Volume 1. – M.: "Thought", 1999. – P. 550.
  11. Complete Latin dictionary. – M., 1862. – P. 212.
  12. Solonevich I.L. Tsar and landowners // Our country. – 1949. – No. 14. – P. 36.
  13. Tikhomirov L.A. Memoirs of Lev Tikhomirov. – M. - L., 1927. – Pp. 29, 31.
  14. Shamshurin V.I. Epistemology of liberal conservatism (The experience of an analytical approach). Abstract of the dissertation of the Doctor of Sciences, 1995. – P.7.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ, ЗАЩИТЫ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

А.И. Овчинников

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению механизмов сохранения и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. Автор отмечает, что принятие Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является важным этапом развития российской государственности и правовой системы с учетом ее социокультурной, цивилизационной самобытности. Сделан акцент на то, что Конституция РФ однозначно запрещает установление государственной или обязательной идеологии, преград для наличия в государстве общественной идеологии нет. По мнению автора, в законодательстве необходимо закрепить понятие «традиционные духовно-нравственные ценности», внося ряд изменений в действующие нормативно-правовые акты. Законодательство Российской Федерации должно развиваться по пути интеграции права и нравственности. Требуется определенная совокупность мер институционального закрепления государственной поддержки и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. На сегодняшний день существует юридически крайне значимый пробел в определении понятия «общественная нравственность». Обеспечение духовно-нравственной безопасности и защиту духовно-нравственных прав человека необходимо законодательно определить в качестве приоритетной задачи государства.*

Автор отмечает, что главной задачей государства сегодня является бережение семьи и крепости брака как базовой ценности общества и государства. Семья как приоритетная ценность должна быть закреплена в специальном федеральном законе, предоставив этому государствообразующему институту особые гарантии реализации права на достойное существование, культурно-нравственную безопасность, воспитание и образование детей в традиционных духовных традициях.

***Ключевые слова:** духовно-нравственные ценности, духовно-нравственная безопасность, законодательство Российской Федерации*

DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-15-20

LEGISLATION AND SPIRITUAL AND MORAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: MECHANISMS OF PRESERVATION, PROTECTION AND CONSTITUTIONALIZATION

Alexey I. Ovchinnikov
Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. *The article is devoted to the consideration of mechanisms for the preservation and protection of traditional spiritual and moral values. The author notes that the adoption of the Decree of the President of the Russian Federation dated 11/19/2022 No. 809 "On Approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" is an important stage in the development of the Russian state and legal system, taking into account its socio-cultural, civilizational background. The emphasis is placed on the fact that the Constitution of the Russian Federation unequivocally prohibits the establishment of a state or mandatory ideology, there are no barriers to the presence of a public ideology in the state. According to the author, it is necessary to consolidate the concept of "traditional spiritual and moral values" in the legislation by making a number of changes to existing normative legal acts. According to the author, the legislation of the Russian Federation should develop along the path of integration of law and morality. A certain set of measures is required to institutionalize state support and protection of traditional spiritual and moral values. To date, there is a legally extremely significant gap in the definition of the concept of "public morality". Ensuring spiritual and moral security and protecting spiritual and moral human rights must be legislatively defined as a priority task of the State.*

According to the author, the main task of the state today is to preserve the family and the strength of marriage as the basic value of society and the state. The family, as a priority value, should be enshrined in a special federal law, providing this state-forming institution with special guarantees for the realization of the right to a decent existence, cultural and moral security, upbringing and education of children in traditional spiritual traditions.

Keywords: *spiritual and moral values, spiritual and moral security, legislation of the Russian Federation*

Принятие Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4] является важным этапом развития российской государственности и правовой системы с учетом ее социокультурной, цивилизационной самобытности. Думается, его принятие может считаться началом формирования новой правовой идеологии, в основе которой будет лежать не только верховенство прав и свобод человека и гражданина, но и иные ценности. Несмотря на то, что Конституция РФ однозначно запрещает установление государственной или обязательной идеологии, преград для наличия в государстве общественной идеологии нет. Более того, существование такой идеологии вполне укладывается в концепцию «общественного договора», так как каждый договор предполагает согласие относительно базовых ценностей, тем более общественный договор не может не основываться на них.

Для дальнейших мер в направлении защиты и сбережения традиционных духовно-нравственных ценностей необходима встречная реакция общества. Государство в лице Президента РФ В.В. Путина сделало первый шаг, ожидая положительной реакции

общества. И оно одобрительно восприняло инициативу: во многих субъектах Российской Федерации «закипела» работа по политическому и правовому обеспечению и сбережению традиционных ценностей. Это не только «Советы по традиционным ценностям при губернаторах», но и законодательные инициативы, направленные на защиту этих ценностей. Этому вопросу хотелось бы уделить особое внимание, так как «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» представляют собой доктринальный документ, а нужны еще и нормативно-правовые акты в данной сфере. Особенно, если учесть, что последние годы право защищало, в основном, ценности либерализма.

В юридической литературе присутствует важный для обозначения базовых ценностей термин – «публичный порядок», который используется для решения вопроса о применимости норм иностранного права на территории Российской Федерации. Предлагается включить в объем этого понятия и перечисленные в вышеназванном Указе, а также перечисленные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации традиционные духовно-нравственные ценности. Представляется, что для правового регулирования оговорки о публичном порядке, а также в целях обеспечения национальной безопасности государства, в которой важнейшим элементом является, в том числе, и духовно-нравственная безопасность, крайне важно закрепить при использовании оговорки ссылку на традиционные духовно-нравственные ценности как элемент публичного порядка. Это важно еще и потому, что понятие «общественная нравственность», используемая в юридических документах, давно нуждается в относительной конкретизации. Статья 1193 «Оговорка о публичном порядке» ГК РФ может быть изложена в следующей редакции: «Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы публичному порядку Российской Федерации, его традиционным духовно-нравственным ценностям с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права».

В последние годы подавляющее большинство ученых, общественных деятелей и политиков признают, что государство и общество нуждаются в идеологии и идеалах, как человек в нравственных ориентирах. Духовно-нравственный, а вслед за ним и государственный идеал, основанный на традиционных ценностях, способен служить критерием общественной нравственности, защищенной ст. 55 Конституции РФ. Таким образом, общественная идеология, под которой следует понимать систему мотивирующих ценностей и норм, легитимирующих социальное единство и организацию верховной власти, крайне необходима на современном этапе развития государства и должна быть защищена законодательством. При этом защита общественного духовно-нравственного идеала со стороны государства должна осуществляться ненасильственным, органичным образом через систему воспитания и образования, культуру и средства массовой информации, а также посредством мер государственной поддержки духовно-просветительской деятельности традиционных для России религиозных организаций. Для этих целей необходимо устранить препятствия для защиты традиционных ценностей в сфере культуры, возникшие в прошлые годы благодаря верховенству либерально-индивидуалистических ценностей по отношению к интересам общества и государства. Одним из таких препятствий является норма «Основ законодательства Российской Федерации о культуре», устанавливающая приоритет прав человека в области культуры по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций. Требуется пересмотр данной

нормы, так как права человека в области культурной деятельности могут и должны быть ограничены в той степени, в которой это необходимо в целях защиты и сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей (см. Приложение). Право на самовыражение и свободу творчества не должно нарушать прав и интересов духовно-нравственного характера человека и гражданина, тем более, оно не должно угрожать общественной морали и нравственности, религиозным чувствам, традиционным духовно-нравственным ценностям.

Кроме того, важно закрепить понятие «традиционные духовно-нравственные ценности» и в Федеральном законе от 20.10.2022 N 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». Определение нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации необходимо дополнить словом «традиционные»: «нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации (далее – нематериальное этнокультурное достояние) – нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации традиционных духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения».

Законодательство Российской Федерации должно и далее развиваться по пути интеграции права и нравственности. Требуется определенная совокупность мер институционального закрепления государственной поддержки и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. На сегодняшний день существует юридически крайне значимый пробел в определении понятия «общественная нравственность». Согласно п. 3. ст. 55 Конституции РФ [1] права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Обеспечение духовно-нравственной безопасности и защиту духовно-нравственных прав человека необходимо законодательно определить в качестве приоритетной задачи государства.

Это особенно важно для защиты семейных ценностей, сильно пострадавших от пропаганды сексуальной распушенности. Согласно «Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», главной задачей государства сегодня является сбережение семьи и крепости брака как базовой ценности общества и государства. Защищает семью и федеральное законодательство. Однако беспрецедентно высокий уровень разводов, слабая социальная защищенность, а зачастую и бедность многодетных семей показывает, что существующие законодательные меры недостаточны. Руководствуясь этим, следует признать, что семья, как приоритетная ценность должна быть закреплена в специальном Федеральном законе «О государственной защите семьи», предоставив этому государствообразующему институту особые гарантии реализации права на достойное существование, культурно-нравственную безопасность, воспитание и образование детей в традиционных духовных традициях.

Демография является той областью, в которой наиболее явственно проявляется зависимость от господствующего мировоззрения общества. Депопуляция является отражением современного феномена разрушения института семьи, пропаганды в телевидении, кинематографе и сети Интернет «свободных отношений», так называемого «открытого брака», тесно связанных с деградацией духовно-нравственного состояния.

Свидетельством этого служит высокий уровень рождаемости в обществах, сохранивших традиционные ценности в качестве доминанты религиозно-культурного кода нации. Таким образом, основные угрозы демографической безопасности исходят из духовно-нравственной сферы общества, где наблюдается девальвация традиционных семейных устоев, отход от идеалов святости семейной жизни, чистоты отношений между мужчиной и женщиной, ценности человеческой жизни.

По этой причине решение проблемы вымирания населения невозможно без мер правовой защиты и общественного контроля над системой масс-медиа. Действующий закон «О средствах массовой информации», как показывает реальность, не способен юридически остановить деморализацию и сексуализацию общества. Пропаганда свободы сексуальных отношений, откровенные эротические образы, используемые в целях рекламы, уничтожают чувство нравственного стыда, способствуют подавлению духовно-нравственного начала в человеке, стремительно разрушают ценности семейной жизни, десакрализируют святость брака, продвигают идею «нормальности» однополых связей, противореча тем самым интересам государства и общества, что требует срочного вмешательства в эту сферу.

Будучи серьезным инструментом в борьбе с духовно-нравственной деградацией общества, Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [3], к сожалению, полноценно не ограждает российских детей от безнравственных реклам и порнографического контента, с которым дети бесконтрольно знакомятся и который распространяют среди сверстников уже в раннем школьном возрасте. До сих пор в сети Интернет развращающие и уничтожающие целомудрие молодежи материалы находятся в свободном доступе. России крайне необходим национальный интернет, ограничивающий доступ к подобным материалам. Для этого имеются все технические и юридические возможности: примером может служить тот факт, что доступ к сайтам и порталам экстремистского содержания немедленно ограничивается Роскомнадзором. Однако этого не происходит по отношению к порнографии, запрещенной статьей 242 Уголовного кодекса РФ [2]. Здесь необходимы дополнительные меры государственного контроля, вплоть до установления границ национального интернет пространства, подобно тому, как это реализовано в КНР.

Рассматривая проблему аборт, демографический кризис, вопрос сохранения суверенитета Российской Федерации и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей народов России, особое внимание необходимо уделить информационному полю и изменениям в мировоззрении современного российского общества. В российском обществе уже укрепилась установка, согласно которой аборт воспринимается как допустимый, а иногда и желательный, вариант поведения даже в ситуации, когда продолжение беременности не представляет непосредственную угрозу жизни женщины по медицинским показаниям. Требуется немедленного законодательного реагирования практика склонения к абортам в медицинских учреждениях по основаниям, не связанным с угрозой для жизни и здоровья матери. Склонение к искусственному прерыванию беременности должно признаваться угрозой для семьи, отцовства, материнства и детства, влекущей за собой юридическую ответственность.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N№ 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «Консультант Плюс».

---

3. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от от 28.04.2023 №178-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // СПС «Консультант Плюс».

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS Consultant Plus.

2. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996 (as amended on 02/14/2024) // SPS Consultant Plus.

3. Federal Law "On the Protection of Children from Information Harmful to their Health and Development" dated 12/29/2010 No. 436-FZ (as amended on 04/28/2023 No. 178-FZ) // SPS Consultant Plus.

4. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 11/19/2022 "On Approving the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values // SPS Consultant Plus.

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 336.221

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА «НАЛОГОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Д.В. Алонцева, К.Ю. Орехов

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец, Россия)

***Аннотация.** Статья посвящена анализу института налоговой ответственности, определению ее места в системе юридической ответственности. По мнению авторов, эффективная система налоговой ответственности способствует обеспечению сбора налоговых поступлений и стабильности социально-экономического развития государства. Сделан акцент, что институт налоговой ответственности – это один из главных институтов налогового права, связанный с налоговым правонарушением. Соблюдение налогового законодательства является важным аспектом финансовой дисциплины и гражданской ответственности перед государством. Правильное исполнение налоговых обязательств способствует развитию экономики и обеспечению финансовой устойчивости государства.*

В статье отмечается, что цифровизация общества и развитие цифровой экономики оказывают значительное влияние на налоговую систему Российской Федерации. Возникают вопросы, затрагивающие налогообложение цифровых услуг и цифровых компаний, включая вопросы налогообложения прибыли от деятельности их в интернете, обработки данных, использования и защиты информации, определения способов борьбы с налоговыми уклонениями в цифровой сфере, связанными с усложнением процессов контроля за налоговыми обязательствами.

Авторы считают, что для разработки эффективных налоговых механизмов необходимо установление правовой природы налоговой ответственности в системе юридической ответственности, разграничение и определение ее сущностной принадлежности как института административного или финансового (налогового) законодательства.

Авторы пришли к выводу, что повышение эффективности налоговой системы, уменьшение возможностей для уклонения от уплаты налогов и обеспечение справедливости распределения налоговой нагрузки в условиях цифровой трансформации способствуют обеспечению сбора налоговых поступлений и стабильности социально-экономического развития государства.

***Ключевые слова:** налоговая ответственность, цифровая экономика, налоговая система*

DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-21-28

ON THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF "TAX RESPONSIBILITY" IN THE CONTEXT OF BUILDING A DIGITAL ECONOMY

Dina V. Alontseva, Konstantim Yu. Orekhov
Yelets State University named after I.A. Bunin
(Yelets, Russia)

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the institution of tax liability, determining its place in the system of legal liability. According to the authors, an effective tax liability system contributes to ensuring the collection of tax revenues and the stability of the socio-economic development of the state. It is emphasized that the institute of tax liability is one of the main institutions of tax law related to tax offenses. Compliance with tax legislation is an important aspect of financial discipline and civic responsibility to the state. Proper fulfillment of tax obligations contributes to the sustainable development of the economy and ensuring the financial stability of the state.*

The authors note that the digitalization of society and the development of the digital economy have a significant impact on the tax system of the Russian Federation. There are issues affecting the taxation of digital services and digital companies, including the taxation of profits from their activities on the Internet, data processing, use and protection of information, and the definition of ways to combat tax evasion in the digital sphere associated with the complication of tax liability control processes.

The authors believe that in order to develop effective tax mechanisms, it is necessary to establish the legal nature of tax liability in the system of legal liability, to distinguish and define its essential affiliation as an institution of administrative or financial (tax) legislation.

The authors conclude that increasing the efficiency of the tax system, reducing opportunities for tax evasion and ensuring the fairness of the distribution of the tax burden in the context of digital transformation contribute to ensuring the collection of tax revenues and the stability of the socio-economic development of the state.

Keywords: tax liability, digital economy, tax system

Налоговая ответственность – один из основополагающих институтов действующей системы налогового права, направленный на обеспечение исполнения налоговых обязанностей гражданами и организациями перед государством, поддержание законности в сфере налогообложения, сбор налогов и обеспечение финансовой устойчивости государства. Эффективная система налоговой ответственности способствует обеспечению сбора налоговых поступлений и стабильности социально-экономического развития государства.

Актуальность исследования вопросов налоговой ответственности вызвана рядом обстоятельств.

1. Построение цифровой экономики, развитие цифровых технологий и электронной коммерции требуют новых подходов в вопросах налогообложения таких операций, адаптации налоговой системы под новую цифровую реальность.

2. Уклонение от уплаты налогов, борьба с налоговыми правонарушениями и преступлениями требует вмешательства государства и создание механизмов противодействия нарушению налогового законодательства.

3. Процесс глобализации экономики, обмен информацией между странами и предотвращение двойного налогообложения требуют разработки эффективных мер государственной политики.

---

4. Для поддержки определенных отраслей экономики или социальных групп также требуется предоставление различных налоговых льгот и стимулов, что предполагает соблюдение определенных условий и ответственности.

Обозначенные обстоятельства показывают, что налоговая ответственность остается одним из ключевых аспектов финансовой системы и требует постоянного законодательного анализа и совершенствования.

Институт налоговой ответственности – это один из главных институтов налогового права, связанный с налоговым правонарушением. Сама налоговая ответственность как вид юридической ответственности вытекает из факта совершения, как указано в ст. 106 Налогового кодекса Российской Федерации противоправного деяния, выраженного в форме действия или бездействия налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц [1]. Суть налоговой ответственности заключается в обязанности физических и юридических лиц соблюдать налоговое законодательство и уплачивать налоги в установленные сроки. Нарушение налогового законодательства предполагает наступление налоговой ответственности, выраженной в виде штрафа, налоговой проверки, административной или уголовной ответственности. В этой связи физические и юридические лица должны самостоятельно вести учет доходов, расходов и налоговых обязательств, подавать налоговые декларации и отчеты в соответствии с требованиями налогового законодательства. Налоговая ответственность предполагает соблюдение правил и норм налогообложения, а также исполнение требований налоговых органов.

Соблюдение налогового законодательства является важным аспектом финансовой дисциплины и гражданской ответственности перед государством. Правильное исполнение налоговых обязательств способствует устойчивому развитию экономики и обеспечению финансовой устойчивости государства.

Цифровизация общества и развитие цифровой экономики оказывают значительное влияние на налоговую систему Российской Федерации. Как справедливо отмечает Изотов А.В., «важность развития цифрового взаимодействия общества и государства признается на высшем уровне государственного управления» [7]. Действительно, цифровое взаимодействие общества и государства регламентировано в действующей системе права. В частности, Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [2], направленная на создание условий развития информационного общества, повышение качества жизни граждан, обеспечение безопасности информационных технологий и данных, а также укрепление позиций России на мировой арене в сфере цифровой экономики. Правовые основы построения цифровой экономики находят отражение в ряде Указов Президента Российской Федерации, а именно, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3] и от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [4].

Анализ приведенных норм говорит о формировании цифрового взаимодействия общества и государства, затрагивающего все сферы общественной жизни. Позитивным его аспектом должно стать улучшение качества предоставляемых услуг, повышение доступности информации граждан, снижение бюрократических барьеров, ускорение процессов взаимодействия между государством, обществом и гражданами. Однако цифровые возможности, связанные с широким применением цифровых технологий, цифровых платформ, онлайн-торговли, криптовалют и других инноваций порождают

новые виды экономической деятельности, в том числе требующие законодательных изменений в сфере налогообложения.

В этой связи закономерно возникают вопросы, затрагивающие налогообложение цифровых услуг и цифровых компаний, включая вопросы налогообложения прибыли от деятельности их в интернете, обработки данных, использования и защиты информации; определение способов борьбы с налоговыми уклонениями в цифровой сфере, связанными с усложнением процессов контроля за налоговыми обязательствами.

Для адаптации налоговой системы к цифровой экономике необходимо проводить анализ и разработку новых налоговых механизмов, учитывающих специфику цифровых технологий. Это может включать в себя введение специальных налогов для цифровых компаний, установление правил налогообложения криптовалют, регулирование электронной коммерции и другие меры.

Для разработки эффективных налоговых механизмов необходимо установление правовой природы налоговой ответственности в системе юридической ответственности, разграничение и определение ее сущностной принадлежности как института административного или финансового (налогового) законодательства.

В отечественной доктрине подход к правовой природе института налоговой ответственности неоднозначен.

Интересным представляется исследование Артемова Н.М. и Бортникова С.П. По их мнению, «известная обособленность налогового, финансового и административного права не позволяет утверждать видовую самостоятельность налоговой ответственности <...> защита сферы фискального управления требует соответствующего охранительного института, обеспечивающего как цель публичной защиты, так и средства ее достижения. Одним из таких институтов является институт налоговой ответственности» [5, с. 12-13]. Позиция ученых выстраивается на основе сравнительного анализа ответственности за налоговые, финансовые и административные правонарушения. Вывод, к которому приходят авторы, заключается в том, что «административная и налоговая ответственность (ответственность за нарушение налогового законодательства) соотносятся между собой как общее и частное и имеют общую административную публичную природу, свойственную таким отраслевым видам ответственности, как налоговая, финансовая, административная и пр.» [5, с. 21].

Сафронов В.В. рассматривает налоговую ответственность с трех позиций: «разновидность административной ответственности, самостоятельный вид юридической ответственности (финансово-правовая) и как разновидность финансово-правовой ответственности (как самостоятельный вид юридической ответственности), при наличии административной ответственности в сфере налогообложения, предусмотренной в КоАП РФ» [12, с. 25].

Садовина Ю.В. также придерживается позиции об административной ответственности за налоговые правонарушения, выступая за упорядочивание законодательства об административных правонарушениях и внесение изменений в Кодекс об административных правонарушениях, «объединив в КоАП РФ все правонарушения в области налогов» [11, с. 185].

Тотикова Т.Е. рассматривает налоговую ответственность как разновидность финансовой ответственности, обладающей специфическими признаками: наличие собственной нормативной базы, процессуального порядка привлечения, особый субъектный состав и др. [132, с. 95].

Представленные точки зрения отечественных ученых говорят о неоднозначном подходе к налоговой ответственности в системе юридической ответственности, что подтверждает важность и актуальность исследования соотношения налоговой ответ-

---

ственности с другими видами юридической ответственности в современном правовом контексте. Как справедливо отметил Бортников С.П., «следует констатировать, что проблемам правового регулирования юридической ответственности в налоговых отношениях в российской науке финансового права уделялось недостаточное внимание. Имеющиеся научные достижения нуждаются в дальнейшем их анализе, систематизации и совершенствовании с учетом современного российского законодательства, включая Конституцию Российской Федерации и Налоговый кодекс Российской Федерации» [6, с. 6].

Стоит поддержать Бортникова С.П. в вопросе рассмотрения налоговой ответственности в качестве вида юридической ответственности, наделенной рядом признаков, в их числе «наличие кодифицированного нормативно-правового акта, предусматривающего налоговую ответственность и формализующего определенные налоговым законом составы правонарушений; самостоятельный характер правонарушения с собственным объектом, составом, субъектами правонарушения; виды установленных государством неблагоприятных последствий совершенного деяния; особенности процессуальной реализации» [6, с. 18].

Анализ норм налогового законодательства позволяет судить о самостоятельности института налоговой ответственности в системе юридической ответственности, поскольку в структуре Налогового кодекса Российской Федерации регламентированы вопросы ответственности за совершение налоговых правонарушений, определены субъекты, подлежащие налоговой ответственности и порядок привлечения к ответственности, содержится перечень обстоятельств, смягчающих и отягчающих вину, установлен срок давности привлечения к ответственности и налоговые санкции. Согласимся с позицией Сабитовой Е.Ю., справедливо отмечающей, что «существует три вида ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах: налоговая ответственность, предусмотренная НК РФ (гл.16 и 18); административная ответственность, предусмотренная КоАП РФ (ч. 2-15 с. 14.5, ст. 15.3-15.9, 15.11, 16.22, 19.76); уголовная ответственность, предусмотренная УК РФ (ст. 194, 198-199)» [10, с. 29].

Действительно, формирование института налоговой ответственности, начавшееся в 90-е гг. прошлого века до сих пор претерпевает изменения, основанные на законодательных нововведениях, судебной практике и развивающейся теории налогового права. Ключевой проблемой является определение места налоговой ответственности в системе юридической ответственности, от разрешения которого зависят критерии привлечения лиц к налоговой ответственности, разработка рекомендаций по улучшению нормативного регулирования налоговых отношений, совершенствование механизма правового регулирования в области налогообложения.

Цифровизация общества и развитие цифровой экономики оказывают влияние на налоговую систему Российской Федерации, что влечет изменение подходов к учету и уплате налогов.

Автоматизация процессов учета и отчетности по налогам с использованием цифровых систем и программного обеспечения направлена на повышение эффективности налогового учета, сокращение времени на подготовку отчетности, снижение риска ошибок и улучшение качества получаемых данных. Использование автоматизированных систем позволяет сократить время на обработку информации и подготовку отчетности, повысить эффективность работы, минимизировать риски налоговых ошибок и улучшить управление финансами.

Применение электронных сервисов направлено на упрощение процедур налогового учета и платежей, позволяет сократить время на заполнение и отправку налоговых деклараций, снижает вероятность ошибок, поскольку электронные сервисы налоговых

органов проверяют правильность заполнения документов с учетом требований законодательства. Сервисы позволяют отслеживать статус поданных документов, запросов и платежей.

Развитие механизмов контроля за соблюдением налогового законодательства с применением аналитических инструментов и искусственного интеллекта, позволяет автоматизировать процессы анализа налоговой отчетности и выявлять потенциальные нарушения. С практико-ориентированной точки зрения аналитические инструменты и искусственный интеллект помогают налоговым органам в их профессиональной деятельности в определении объектов проверки, снижении рисков нарушений и увеличении доверия со стороны налогоплательщиков.

Несмотря на те преимущества, которые следуют за цифровизацией экономической системы, построением цифрового общества и государства, как справедливо отмечает Овчинников А.И., «складываются совершенно новые, неизвестные ранее общественные отношения, требующие правового регулирования в новой парадигме права, которую смело можно назвать «цифровая парадигма права» [9, с. 257].

При всех преимуществах цифровизации не стоит забывать о возникающих рисках, связанных с информационной безопасностью. По мнению Карцхия А.А., «безопасность в цифровом пространстве (кибербезопасность) – один из острейших вопросов правового регулирования» [8, с. 37]. Внедрение цифровых технологий в сферу налоговых правоотношений и налогового контроля влечет определенные риски, которые необходимо учитывать налоговым органам и должностным лицам во избежание нарушения прав налогоплательщиков и законодательства Российской Федерации.

Таким образом, развитие института налоговой ответственности в условиях построения цифровой экономики связано с изменением подходов к учету и уплате налогов в связи с развитием цифровых технологий. От определения правовой природы института налоговой ответственности зависит его роль в системе мер государственного принуждения в сфере налогообложения. Повышение эффективности налоговой системы, уменьшение возможностей для уклонения от уплаты налогов и обеспечение справедливости распределения налоговой нагрузки в условиях цифровой трансформации способствуют обеспечению сбора налоговых поступлений и стабильности социально-экономического развития государства.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 19.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС «Гарант».
2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СПС «Гарант».
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «Гарант».
4. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «Гарант».
5. Артемов Н.М., Бортников С.П. Сравнительно-правовой анализ отношений налоговой ответственности за налоговые, финансовые и административные правонарушения // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 11. – С. 11-22. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.15.11.011-022.

-
6. Бортников С.П. Юридическая ответственность в налоговом праве: теория и практика: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2017. – 55 с.
  7. Изотов А.В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021 – 24 с.
  8. Карцхия Александр Амиранович Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 1 (26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-prave-i-pravoprimereneni> (дата обращения: 25.12.2023).
  9. Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 257-261.
  10. Сабитова Елена Юрьевна Понятие, признаки и виды налоговой ответственности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-priznaki-i-vidy-nalogovoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 25.12.2023).
  11. Садовина Ю.В. Административная ответственность за налоговые правонарушения // Марийский юридический вестник. – 2002. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-za-nalogoverye-pravonarusheniya> (дата обращения: 24.12.2023).
  12. Сафронов В.В. Претерпевание неблагоприятных правовых последствий наступивших в результате совершения налогового правонарушения: Монография; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2016. – 140 с.
  13. Тотикова Т.Е. Актуальные проблемы развития института налоговой ответственности // Вестник ПАГС. – 2011. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-instituta-nalogoverye-otvetstvennosti> (дата обращения: 24.12.2023).

References

1. The Tax Code of the Russian Federation (Part one) dated 07/31/1998 No. 146-FZ (as amended on 12/19/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2024) // SPS "Garant".
  2. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // SPS "Garant".
  3. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 No. 204 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024 of the year" // SPS "Garant".
  4. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 "On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030" // SPS "Garant".
  5. Artemov N.M., Bortnikov S.P. State legal analysis for tax, pineapple and administrative government // Actual problems of Russian law. – 2020. – Vol. 15. – No. 11. – Pp.11-22. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.011-022.
  6. Bortnikov S.P. Legal responsibility in tax law: theory and practice: Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. – М., 2017. – 55 p.
  7. Izotov A.V. Tax legal relations in the context of digitalization: current state and development prospects: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law. – М., 2021-24 p.
-

---

8. Kartskhiya Alexander Amiranovich Digitalization in law and law enforcement // Monitoring of law enforcement. – 2018. – No. 1 (26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-prave-i-pravoprimeneni> (date of reference: 12/25/2023).

9. Ovchinnikov A.I. Risks in the processes of digitalization of law // Legal technique. – 2019. – No. 13. – Pp. 257-261.

10. Sabitova Elena Yurievna The concept, signs and types of tax liability // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. – 2021. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-priznaki-i-vidy-nalogovoy-otvetstvennosti> (date of appeal: 12/25/2023).

11. Sadovina Yu.V. Administrative responsibility for tax offenses // Mari Legal Bulletin. – 2002. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-za-nalogovye-pravonarusheniya> (date of request: 12/24/2023).

12. Safronov V.V. Undergoing adverse legal consequences resulting from the commission of a tax offense : monograph ; Sib. gos. aerospace. un-T. – Krasnoyarsk, 2016. – 140 p.

13. Totikova T.E. Actual problems of the development of the institute of tax responsibility // Bulletin of the PAGES. – 2011. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-razvitiya-instituta-nalogovoy-otvetstvennosti> (date of request: 12/24/2023).

ВОПРОСЫ НАДЕЛЕНИЯ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНЫМИ ФУНКЦИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В.В. Мирончуковская, К.П. Иншакова
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемные вопросы наделения саморегулируемых организаций публично-властными функциями и полномочиями. Автор изучает суть представительной, регулирующей, организационно-учетной, контрольной и юрисдикционной функций саморегулируемых организаций. Отмечается положительное воздействие модели правоотношений с участием саморегулируемых организаций, государственных органов исполнительной власти и участников таких организаций на предпринимательскую и профессиональную сферу деятельности субъектов. Особое внимание уделено проблемам и противоречиям, имеющим место в сфере непосредственного осуществления саморегулируемыми организациями представительной, регулирующей функций, а также излишне громоздкого контроля за их деятельностью со стороны государства. Предлагаются пути совершенствования законодательства при реализации саморегулируемыми организациями делегированных публично-властных функций. Обосновывается вывод о том, что существование таких законодательных проблем, как декларативный характер представительной функции, излишнее государственное вмешательство в регулирующую функцию, громоздкое законодательство в сфере контроля и надзора за деятельностью СРО значительно снижают функциональный потенциал СРО и не позволяют достичь поставленных целей в их деятельности.*

***Ключевые слова:** саморегулируемые организации, публично-властные функции, делегирование, государственные органы, члены саморегулируемой организации, надзор, контроль*

DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-29-37

ISSUES OF ENDOWING SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS WITH PUBLIC AUTHORITY FUNCTIONS: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

Victoria V. Mironchukovskaya, Ksenia P. Inshakova
Yelets State Bunin University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** The article discusses the problematic issues of endowing self-regulatory organizations with public authority functions and powers aimed at exercising delegated functions. The author studies the essence of the representative, regulatory, organizational, accounting, control and jurisdictional functions of self-regulating organizations. The positive impact of the model of legal relations with the participation of self-regulating organizations, state executive authorities and participants of such organizations on the entire system of legal*

---

relations in the field of self-regulation is noted. Special attention is paid to the problems and contradictions that occur in the sphere of direct implementation of representative, regulatory functions by self-regulating organizations, as well as unnecessarily cumbersome control over their activities by the state. The ways of improving legislation in the field of performance of delegated public authority functions by self-regulating organizations are proposed. The conclusion is substantiated that the existence of such legislative problems as: the declarative nature of the representative function, excessive state interference in the regulatory function, cumbersome legislation in the field of control and supervision of SRO activities significantly reduces the functional potential of SRO and does not allow achieving the goals set in their activities.

Keywords: *self-regulating organizations, public authority functions, delegation, state bodies, members of a self-regulating organization, supervision, control*

Современной системе субъектов права присущ все более усложняющийся характер взаимодействия между ее элементами, масштабирование в пространстве и расширение по субъектному составу. За последние 20 лет в различных отраслевых правоотношениях возникли новые виды субъектов права и новые организационно-правовые формы их кооперации и объединения, что объективно поставило перед государством вопросы по регулированию (упорядочению) и контролю за их деятельностью. На осуществление данных управленческих процессов государство затрачивает огромные ресурсы – человеческие, материальные, финансовые, что вовсе не означает достижения эффективного результата по управлению многочисленными подконтрольными объектами. В каждой отрасли экономики или направлении профессиональной специализации возникает большое количество новых участников – субъектов предпринимательской или субъектов профессиональной деятельности, подпадающих под процессы контроля и регулирования соответствующих государственных органов. В такой ситуации возникает выбор: создавать новые государственные органы исполнительной власти, наделенные соответствующими властными полномочиями или расширять круг функциональных обязанностей уже действующих структур. В первом случае возрастет нагрузка на федеральный бюджет, так как любой государственный орган финансируется за счет бюджетных средств. Во втором случае, возникает угроза создания дублирующих или избыточных (аналогичных) функций у различных государственных органов, что также не способствует упорядочению и правовому порядку при регулировании подконтрольного сектора предпринимательства или профессиональной направленности. Для того, чтобы избежать данных негативных последствий был избран путь, направленный на делегирование публично-властных функций субъектам права (организациям), не входящим в систему государственных (властвующих) органов и являющихся, по сути, негосударственными. Это позволило создать правовые механизмы по «стерилизации» избыточных функций у органов государственной исполнительной власти и разгрузить их от осуществления дополнительных регулятивных и контрольных обязанностей. Такой подход полностью корреспондируется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации о том, что «Конституция Российской Федерации не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении функций публичной власти, при условии, что это не противоречит Конституции РФ и федеральным законам».

Одним из видов негосударственных организаций, которые в настоящее время наделены в Российской Федерации широким кругом публично-властных полномочий являются саморегулируемые организации (далее, СРО). В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» «само-

---

регулируемыми организациями признаются некоммерческие организации, созданные в целях, предусмотренных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности, исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида». Такие субъекты права создаются для защиты и представления корпоративных интересов своих членов перед государственными структурами, для создания единого стандарта выпускаемой продукции или оказываемой услуги в какой-либо определенной отрасли экономики, для ведения учета и контроля за деятельностью своих участников и пр. Примерами СРО могут служить: строительные (проведение работ, связанных со строительством, капитальных ремонтов, реконструкций); проектные (разработка проектов в строительной сфере, оказание услуг архитектурно-проектной направленности); энергетические (осуществляющие энергетический аудит); оценочные (оказывающие услуги по оценке бизнеса, ценных бумаг, активов и др.); аудиторские (предоставляют аудиторские услуги, аудиторские консультации); рекламные (осуществляющие рекламные услуги); страховые (реализуют интересы страховщиков и страхователей); медицинские (оказывающие медицинские услуги врачей из разных профессиональных сфер); художественные (представляющие интересы художников, писателей и др.). Существуют и другие виды СРО, создаваемые и объединяемые своих членов по критерию вида предпринимательской или профессиональной деятельности.

Интересным в правовой науке представляется вопрос о статусе СРО, так как его разрешение напрямую влияет на вопрос о порядке наделения их публично-властными функциями, а именно: видами, предметом ведения, объемом содержания, контроле со стороны государства за их выполнением СРО. Так, И.В. Митякина отмечает, что: «СРО являются оригинальной организационно-правовой формой некоммерческой организации, отличительным признаком которых является осуществление публично-правовых функций, ранее осуществлявшихся государством» [5, с. 77-79]. А.Ф. Алгазина, напротив, делает вывод о том, что СРО не является специальной организационно-правовой формой, а представляет собой специфический новый вид субъекта права. А формой этого субъекта права является союз (ассоциация) [1, с. 81]. В подтверждение своего вывода ученая приводит норму гражданского законодательства о понятии ассоциации (союза) – «ассоциацией (союзом) признается объединение юридических лиц и (или) граждан, основанное на добровольном или в установленных законом случаях на обязательном членстве и созданное для представления и защиты общих, в том числе профессиональных интересов, для достижения общественно полезных целей, а также иных не противоречащих закону и имеющих некоммерческий характер целей (п. 1. ст. 123.8 Гражданский кодекс Российской Федерации). Последующее сравнение СРО с ассоциацией (ее признаками) позволяет нам поддержать позицию А.Ф. Алгазиной о том, что СРО это, по своей сути, союз, ассоциация. Аналогичного вывода придерживаются и иные ученые, занимающиеся указанной проблемой и выделяющие такие признаки СРО как: корпоративная природа, особый субъектный состав, наличие цели объединения, особый порядок регистрации, усложненный порядок приобретения статуса, требование к минимальному количеству членов, наличие стандартов и правил для профессиональной деятельности, обязательных для выполнения всеми членами СРО, дополнительная имущественная ответственность каждого члена перед потребителями их товаров (услуг) и иными лицами [2, с. 203; 4, с. 83; 6, с. 108; 7, с. 143; 8, с. 79]. Наличие перечисленных признаков и предполагает, по нашему мнению, необходимость делегирования СРО публично-властных функций, являющихся исключительными полномочиями государственными органами исполнительной власти. Ведь для того, чтобы

организовывать членство соответствующих участников в той или иной СРО, обязывать их соблюдать установленные стандарты и правила по изготовлению товаров, работ, услуг, а также контролировать их выполнение – властвующие функции являются объективно необходимыми инструментами в предметном ведении СРО. В противном случае разрушается сама модель СРО и смысл ее существования.

Вступая в различного рода правоотношения и реализуя властные функции, делегируемые государственными органами исполнительной власти, СРО, таким образом, выполняют публично-посредническую роль. С одной стороны, снимая значительную нагрузку с государственных органов, они регулируют и контролируют деятельность подконтрольных им членов (членство которых является обязательным в такой СРО), а, с другой, защищают и представляют их профессиональные интересы как перед государством, так и перед получателями и пользователями товаров и услуг, предлагаемых членами СРО на потребительский рынок. Это общие и базовые цели деятельности СРО, тогда как в каждой отдельной сфере ее функционирования специальными нормативно-правовыми актами определяются конкретные задачи. Так, в соответствии ст. 17 Федерального закона от 30.12. 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», СРО аудиторов является некоммерческая организация, созданная на условиях членства в целях обеспечения условий осуществления аудиторской деятельности, а, на основании ст. 55.1 Градостроительного кодекса РФ основными целями СРО являются: 1) предупреждение причинения вреда жизни или здоровью физических лиц, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу...; 2) повышение качества выполнения инженерных изысканий, осуществления архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства».

Делегируя СРО ту или иную публично-властную функцию, государственный орган исполнительной власти только определяет основные направления ее деятельности, не детализируя при этом полномочия, необходимые для осуществления самой функции. Эти полномочия СРО определяет по собственной инициативе, можно сказать, на дискретной основе. В правовой науке под функциями предлагается понимать, нормативно установленные и постоянно осуществляемые основные направления властной деятельности государственного органа, обусловленные поставленными перед ним задачами и конкретизирующиеся в его полномочиях [3, с. 170]. Анализ ФЗ – № 315 как базового нормативного акта, регулирующего общие положения деятельности СРО в Российской Федерации, а также ряда специальных нормативных актов, устанавливающих порядок функционирования отдельных субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, позволяет дифференцировать публично-властные функции СРО на следующие виды:

1. Регулирующая, выражающаяся в установлении правил и стандартов осуществления ее членами соответствующих видов деятельности; определение условий членства в СРО. Реализуется эта функция через принятие СРО локальных внутренних актов по аналогии с государственными органами.

2. Контрольная, заключающаяся в осуществлении контроля за профессиональной и предпринимательской деятельностью своих членов. Правила проведения такого контроля и его порядок также определяется на основании дискретных полномочий СРО.

3. Организационно-учетная, выражающаяся в постановке на учет членов СРО, ведении такого учета, формирование органов управления СРО, ведение официального сайта СРО, проведение конференций и собраний по важным вопросам развития отрасли или сектора в котором функционирует непосредственно СРО и ее участники.

---

4. Представительная, означающая защиту и донесение корпоративных интересов в государственных органах и иных общественных институциях, обсуждение законопроектов по вопросам деятельности СРО и ее членов, участие в их составлении, анализ состояния рынка, интересы которого и представляет СРО.

5. Юрисдикционная, суть которой выражается в рассмотрении жалоб и обращений от физических и юридических лиц на действия членов СРО и применении к ним, в случае необходимости мер дисциплинарного воздействия.

В ФЗ – № 315 (ст. 24) некоторые из названных функций закреплены в виде полномочий: права на разработку единых стандартов и правил СРО, условий членства субъектов профессиональной деятельности в СРО, на профессиональное обучение и аттестацию работников членов СРО, на сертификацию произведенных ими товаров (работ, услуг), на раскрытие информации. Мы считаем, что правильнее будет понимать данные направления деятельности именно как функции, так как полномочия – это конкретные права и обязанности СРО, необходимые для выполнения соответствующей функцией своего основного назначения. То есть, полномочия, как совокупность прав и обязанностей составляют содержание функции.

Делегирование СРО властных (государственных) функций наделяет их соответственно, публичным статусом или статусом публичного юридического лица. Однако следует сказать, что такое делегирование не означает их полной самостоятельности и независимости в своей деятельности от государственного участия и контроля. С одной стороны, доля государственного участия благодаря передаче СРО властных функций, существенно сокращается в определенной сфере предпринимательской или профессиональной деятельности, а с другой, государство не может «отпустить» такую деятельность в полное свободное саморегулирование и абсолютно не контролировать СРО. Ведь последствия от функционирования СРО и их членов имеют огромное значение для всего общества и выражаются в различных сферах: строительной, финансовой, медицинской и пр. Поэтому практически каждая публично-властная функция, переданная СРО, в той или иной степени находится под государственным контролем или ограничена правовыми рамками, что и порождает ряд практических и теоретических проблем в этой сфере. Обратим внимание на некоторые из них.

Наиболее важной функцией СРО является представительная, так как она позволяет отслеживать все изменения, происходящие в той или иной профессиональной сфере, в ее развитии, анализировать, систематизировать их и доносить в соответствующий государственный орган с целью улучшения положения своих участников и защиты их интересов. Непосредственно реализовать эту функцию СРО может через участие в нормотворческой деятельности государства. ФЗ – № 315 предусматривает право СРО участвовать в обсуждении проектов нормативно правовых актов РФ и субъектов РФ, государственных программ по вопросам, связанным с предметом саморегулирования, а также направлять в органы государственной власти и органы местного самоуправления заключения о результатах проводимых ее независимых экспертиз проектов указанных актов. Но это право, скорее, носит декларативный характер, так как ни в основном ФЗ – № 315, ни в специальных нормативных актах, регулирующих деятельность видовых СРО конкретно не прописан порядок участия в нормотворческом процессе. О каком участии вообще можно говорить, если в соответствии со ст. 104 Конституции Российской Федерации, СРО не обладают правом законодательной инициативы? Таким образом, участие СРО в нормотворческом процессе, а тем более согласие с предложенными ими законодательными инициативами в полной мере зависят от индивидуального усмотрения государственного органа. Такое участие можно охарактеризовать как рекомендательное и в виде предложений. В итоге представительная функция с публично-

---

властным содержанием хотя и принадлежит СРО, но по факту свое полноценное значение может выполнять только в случае согласия с инициативами СРО соответствующим государственным органом. Поэтому, с целью совершенствования законодательства в сфере правового статуса СРО, считаем правильным закрепить в основном законе о СРО в качестве обязанности государственного органа привлечение к участию в обсуждении вопросов, связанных с предметом саморегулирования представителя (представителей) СРО. Это не означает, что новеллы, предлагаемые СРО, должны быть обязательно учтены, но при отказе – представители СРО должны получить мотивированный ответ государственного органа, с которым далее можно уже обращаться в суд.

Не менее важной публично-властной функцией является регулирующая. В каждой сфере профессиональной или предпринимательской деятельности СРО по своему усмотрению, и исходя из особенностей осуществляемого ее участниками видов деятельности, разрабатывает и определяет принципы, правила и стандарты, а также условия членства в СРО. Если такое членство является обязательным (что имеет место в большинстве случаев), то именно приобретение физическим или юридическим лицом статуса члена СРО и является разрешением для занятия соответствующим видом деятельности на рынке разнородных услуг и товаров. В отдельных случаях для приобретения такого статуса претендент должен доказать свою квалификацию, получить соответствующие сертификаты или свидетельства о праве на занятие тем или иным видом деятельности. Правила, регулирующие действия юридических и физических лиц в данных правоотношениях, принимаются и контролируются СРО. Но и при осуществлении регулирующей функции трудно говорить о полной самостоятельности публично-властных полномочий СРО. Дело в том, что все принятые стандарты, правила и условия СРО обязаны направлять в соответствующий государственный орган для проверки их соответствия законодательству Российской Федерации, действующему в данной сфере. Так, например, Министерство Финансов РФ осуществляет проверку в отношении правил, принятых СРО аудиторов; Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору – в отношении правил СРО в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства; Министерство энергетики – в отношении СРО в области энергетического обследования; Министерство сельского хозяйства РФ – в отношении СРО сельскохозяйственных кооперативов; Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии – в отношении СРО оценщиков и арбитражных управляющих, СРО кадастровых инженеров и т.д. В целом, государственный орган имеет право затребовать любую информацию, касающуюся деятельности СРО. Сюда входят и сведения о запланированных и проведенных проверках деятельности членов СРО и о результатах таких проверок. Если государственный орган находит противоречия в правилах и стандартах СРО с действующим законодательством – то такие локальные нормативные акты подлежат отмене или изменению. СРО в такой ситуации остается только обращаться в судебные инстанции. Для того, чтобы внести ясность в данный вопрос необходимо провести детальную работу в отношении каждого государственного органа и подконтрольного ему СРО по вопросу определения исчерпывающего и закрытого перечня сведений, предоставление которых должно быть предусмотрено законом. Контроль за регулирующей функцией СРО со стороны государства, безусловно, необходим, но в определенных границах, чтобы не было излишнего вмешательства в их деятельность, иначе саморегулирование при такой модели взаимоотношений не имеет смысла. Такие нормы – запреты должны найти свое отражение не в базовом ФЗ – № 315, а в специальных нормативных актах, регулирующих отдельные сферы деятельности СРО и их участников.

Отдельное внимание уделяет законодатель вопросам контроля со стороны государственных органов за деятельностью самих СРО. В ФЗ – № 315 закреплены основные положения, касающиеся государственного надзора в данных правоотношениях. Статья 23 ФЗ – № 315 закрепляет: «Государственный надзор за деятельностью СРО осуществляется уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в порядке, установленном Федеральным законом от 26.12.2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Но кроме данного закона в сфере контрольных отношений за деятельностью СРО применяются и специальные федеральные законы, регулирующие соответствующий вид профессиональной деятельности. Например, практически неограниченными контрольными полномочиями обладает Банк России за деятельностью СРО кредитных потребительских кооперативов, актуариев и иных финансовых организаций, предоставляющих услуги на финансовых рынках. Степень такого контроля определяется самим регулятором.

При полном понимании важности и необходимости контроля со стороны государства за деятельностью СРО, все же существенным недостатком здесь является громоздкое законодательство, что усложняет реализацию отношений на практике в этой сфере. Кроме того, к отношениям, связанным с проведением государственного контроля за СРО, применяются вышеуказанные базовые законы (ФЗ – № 315, ФЗ – № 294), специальные – проведение такого контроля основывается и на ряде административных регламентов, приказов и даже писем государственных органов. Например, Приказом Минфина от 21.09.2019 г. № 115-П, утвержден Административный регламент по исполнению Минфином РФ государственного контроля за деятельностью СРО аудиторов. Это при том, что Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» также регулирует аналогичный вопрос, детально определяя порядок проведения плановых проверок и последствий несоблюдения аудиторского законодательства. В этой связи будет правильным согласиться с выводом Н.А. Серединой о том, что: «нагромождение правовых норм в различных нормативных правовых актах, устанавливающих существенное количество особенностей при проведении контрольных (надзорных), а в ряде случаев исключительно надзорных мероприятий в отношении каждого вида СРО, снижает качество контрольных мероприятий, а также вводит необоснованно различные подходы как к предметам проверки деятельности СРО в различных сферах, так и самим СРО» [9, с. 80]. Поэтому будет правильным четко определить в базовом законе об СРО основы проведения государственного контроля, виды, методы, порядок и сроки, то есть все необходимые элементы контролирующей деятельности. Одновременно нужно в соответствии с нормами базового закона привести положения специальных нормативных актов об отдельных видах деятельности СРО. Тогда в действительности можно будет говорить о том, что цель введения механизма саморегулирования и СРО в Российской Федерации – это снижение нагрузки в сфере осуществления контрольно-властных функций со стороны государственных органов исполнительной власти и сокращение сектора публично надзора на рынке товаров (работ, услуг).

Подводя итог вышерассмотренной проблеме, следует сказать следующее: модель по делегированию публично-властных функций СРО в Российской Федерации позволяет разгрузить государственные органы исполнительной власти от осуществления дополнительных регулятивных и контрольных обязанностей. Это положительная тенденция, приводящая к экономии времени и бюджетных средств, так как отпадает необходимость создавать новые государственные органы контроля или расширять штат уже действующих. Но внутри самого механизма реализации переданных СРО публичных функций имеет место ряд серьезных недостатков, требующих своего разрешения и

устранения: декларативный характер представительной функции, излишнее государственное вмешательство в регулируемую функцию, громоздкое законодательство в сфере контроля и надзора за деятельностью СРО. Существование данных противоречий значительно снижает функциональный потенциал СРО и не позволяет достичь поставленных целей в их деятельности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: ФЗ от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (с изм. от 16.05.2023) // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 29.12.2004 года № 190 (с изм. от 25.12.2023) // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».
3. Об аудиторской деятельности: ФЗ от 30.12.2008 года № 307-ФЗ (с изм. от 24.07.2023) // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».
4. О саморегулируемых организациях: ФЗ от 01.12.2007 года № 315-ФЗ (с изм. от 02.07.2021) // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».
5. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: ФЗ от 29.07.1998 года № 135-ФЗ (с изм. от 13.06.2023) // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».
6. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): ФЗ от 10.07.2002 года № 86-ФЗ (с изм. от 04.08.2023) // Доступ на СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 года № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 22. – Ст. 2491.
8. Алгазина А.Ф. Функции саморегулируемых организаций: содержание и проблемы реализации // Правоприменение. – 2017. – № 1(4). – С. 75-86.
9. Апокорин Р.С. Проблемы определения гражданско-правового статуса саморегулируемых организаций в России // Молодой ученый. – 2018. – № 49 (235). – С. 107-109.
10. Давыдов К.В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории: Монография / Под ред. Ю.Н. Старилова. – М.: NOTA-BENE, 2010. – 295 с.
11. Казеева В.С. Правовой статус саморегулируемых организаций в РФ // Молодой ученый. – 2021. – № 47 (389). – С. 203-205.
12. Митякина И. В. Административно-правовое регулирование деятельности саморегулируемых организаций в Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2020. – № 2. – С. 77-79.
13. Петров Д.А. Функции саморегулируемой организации // Вести Волгоградского госуд. ун-та. – 2015. – № 2 (27). – С. 79-86.
14. Полежарова Л.В., Колотовкин И.В. Саморегулируемые организации отрасли информационных технологий // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – № 15. – С. 141-150.
15. Рустамова С.М., Манатиллов М.М. О саморегулировании в области арбитражного управления // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 2. – С. 82-85.
16. Середина Н.А. Проблемы контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций: административно-правовой аспект // Административное и муниципальное право. – 2019. – № 12. – С. 79-83.

References

1. Civil Code of the Russian Federation: Federal Law dated November 30, 1994 №51- Federal Law (as amended on May 16, 2023) // Access to the ConsultantPlus ATP.
2. Town Planning Code of the Russian Federation: Federal Law dated December 29, 2004 (as amended on December 29, 2023) // Access to the ConsultantPlus ATP.
3. On auditing activities: Federal Law dated December 30, 2008 №307-Federal Law (as amended on July 24, 2023) // Access to the ConsultantPlus ATP.
4. On self-regulatory organizations: Federal Law dated December 1, 2007 № 315-Federal Law (as amended on July 2, 2021) // Access to the ConsultantPlus ATP.
5. On appraisal activities in the Russian Federation: Federal Law dated July 29, 1998 № 135- Federal Law (as amended on June 13, 2023) // Access to the ConsultantPlus ATP.
6. On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law dated July 10, 2002 № 86 - Federal Law (as amended on August 4, 2023) // Access to the ConsultantPlus ATP.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 19, 1998 № 15- P «On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of Articles 2, 12, 17, 24 and 34 of the Fundamentals of Legislation of the Russian Federation on Notaries» // Collection of legislation of the Russian Federation. №22. 1998. Art. 2491.
8. Algazina A.F. Functions of self-regulating organizations: content and problems of implementation // Law enforcement. – 2017. – № 1(4). – Pp. 75-86.
9. Apokorin R.S. Problems of determining the civil status of self-regulating organizations in Russia // Young Scientist. – 2018. – № 49 (235). – Pp. 107-109.
10. Davydov K.V. Administrative regulations of federal executive authorities of the Russian Federation: questions of theory. Monograph / edited by Yu.N. Starilov. M.: NOTA-BENE, 2010. 295 p.
11. Kazeeva V.S. The legal status of self-regulating organizations in the Russian Federation // A young scientist. – 2021. – № 47 (389). – Pp. 203-205.
12. Mityakina I.V. Administrative and legal regulation of the activities of self-regulating organizations in the Russian Federation // Administrative law and process. – 2020. – No. 2. – Pp. 77-79.
13. Petrov D.A. Functions of a self-regulating organization // News of the Volgograd state. Un-ta. – 2015. – № 2 (27). – Pp. 79-86.
14. Polezharova L.V., Kolotovkin I.V. Self-regulating organizations of the information technology industry // Economy. Taxes. Law. – 2022. – No. 15. – Pp. 141-150.
15. Rustamova S.M., Manatilov M.M. On self-regulation in the field of arbitration management // Civil service and personnel. – 2019. – No. 2. – Pp. 82-85.
16. Seredina N.A. Problems of control (supervision) over the activities of self-regulating organizations: administrative and legal aspect // Administrative and municipal law. – 2019. – No. 12. – Pp. 79-83.

5.1.3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.5

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.В. Голик

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
(Москва, Россия)

С.С. Рыбалко, Ю.А. Чернышева

Елецкий государственный университет им И.А. Бунина,
(Елец, Россия)

***Аннотация.** Данной статьёй автор пытается привлечь внимание к вопросу о необходимости усиления роли государства в сфере обеспечения религиозной безопасности. Актуальность затронутой проблемы заключается в том, что государство при регулировании религиозной жизни людей в настоящее время реализует пассивную политику, пытаясь не вмешиваться детально в эти процессы, тогда как религия оказывает глубокую мотивацию на поведение человека, делая его крайне уязвимым и доступным для вовлечения и вербовки в экстремистские и радикальные преступные организации. Это порождает ряд угроз в сфере религиозной безопасности, при реализации которых государство борется с их следствием, тогда как правильнее было бы ликвидировать (минимизировать) причину их возникновения. Для этого государство должно проводить более активную политику, а в некоторых отдельных случаях применять уже неотложные меры по обеспечению религиозной безопасности в обществе. Инструменты реализации такой политики должны затрагивать не отдельно какую-то направленность государственного управления, а работать в системном единстве правовых мер: в культурной, образовательной, уголовной, социальной, контролирующей, миграционной, цифровой и других сферах государственного регулирования и воздействия. Только в таком комплексном единстве представляется возможным противостоять угрозам в сфере религиозной безопасности и выйти на более высокий уровень её обеспечения. Целью статьи является исследование некоторых правовых мер обеспечения религиозной безопасности в обществе и особенностей их осуществления. При написании статьи автор использовал такие методы исследования, как анализ, синтез, формально – юридический и логический, а также метод обобщения правовой информации.*

***Ключевые слова:** религиозная безопасность, экстремистская деятельность, угрозы религиозной безопасности, правовые меры, религиозные учения, криминализация деяний, миграционная политика*

DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-38-44

LEGAL MEASURES TO ENSURE RELIGIOUS SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yuri V. Golik

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Sofia S. Rybalko, Yulia A. Chernysheva

Yelets State Bunin University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** With this article, the author tries to draw attention to the issue of the need to strengthen the role of the state in ensuring religious security. The relevance of the problem raised lies in the fact that the state, when regulating the religious life of people, is currently implementing a passive policy, trying not to interfere in detail in these processes, whereas religion has a deep motivation on human behavior, making it extremely vulnerable and accessible for involvement and recruitment into extremist and radical criminal organizations. This generates a number of threats in the sphere of religious security, in the implementation of which the state is struggling with their consequences, whereas it would be more correct to eliminate (minimize) the cause of their occurrence. To do this, the author comes to the conclusion that the state should pursue a more active policy, and in some individual cases apply urgent measures to ensure religious security in society. The instruments for the implementation of such a policy should not affect any particular direction of public administration separately, but work in a systematic unity of legal measures in cultural, educational, criminal, social, controlling, migration, digital and other spheres of state regulation and influence. Only in such a complex unity is it possible to counter threats in the field of religious security and reach a higher level of its provision. The purpose of the article is to study some legal measures to ensure religious security in society and the specifics of their implementation. When writing the article, the author used such research methods as analysis, synthesis, formal legal and logical, as well as the method of generalization of legal information.*

***Keywords:** religious security, extremist activity, threats to religious security, legal measures, religious teachings, criminalization of acts, migration policy*

Актуальность рассмотренной в статье проблемы обосновывается значением и ролью, которые оказывают вопросы религии и духовности на жизнь всего общества и жизнь отдельного человека. Религия формирует мировоззрение и миропонимание человека, его отношение к происходящим явлениям в обществе и, соответственно, построение своего поведения на основе воспринятых им религиозных учений и постулатов. В психологической науке специалистами уже давно считается общепризнанным факт, что мотивация личности на почве религии является одной из самых суровых и устойчивых мотиваций, способных вынести многие испытания [9, с. 107]. В дополнение к этому государство при правовом регулировании религиозной жизни людей пытается, по возможности, не вмешиваться глубоко в эти процессы, так как вопросы религии – это личное и сокровенное для каждого человека, а потому деятельность государства здесь крайне осторожная и, можно сказать, «корректная». Это выражается в том, что в качестве правонарушения (преступления) закрепляются уже крайние степени проявления противоправного поведения человека (экстремизм на религиозной почве, нетерпимость к другим религиям и конфессиям и пр.). Соединение этих двух факторов (глубокая степень мотивации поведения человека, опирающаяся на религиозные постулаты, и слабая степень вмешательства в религиозную жизнь со стороны государства) делают религи-

---

озную сферу общественной жизни крайне уязвимой и доступной для возникновения в ней ряда угроз и опасностей. Это даёт возможности для манипулирования человеческим сознанием, последствия от которых проявляются не только в области самой религиозной безопасности, а в целой системе национальной безопасности государства, угрожая его суверенитету, целостности и основам существования. К таким угрозам относятся: «функционирование новых религиозных организаций и объединений, пришедших на территории России из-за рубежа и спонсируемых иностранными фондами, главными целями которых является атомизация, денационализация, депатриотизация общества; распространение идей религиозно-экстремистских группировок, главной целью которых является отделение от России некоторых территорий и создание на них теократических режимов; распространение религиозно-окультистских синкретических учений, астрологии, магии, различных псевдоэкстрасенсов и колдунов» [2, с. 158; 3, с. 183; 5, с. 212]. Учёные, изучающие вопросы религиозной безопасности, выделяют и другие виды угроз, существующие в этой сфере [1, с. 20; 4, с. 26; 8, с. 24].

В данных условиях государство должно проводить более активную политику, а в некоторых отдельных случаях применять уже неотложные меры по обеспечению религиозной безопасности в обществе. Инструменты реализации такой политики должны затрагивать не отдельно какую-то направленность государственного управления, а работать в системном единстве. То есть, правовые средства обеспечения религиозной безопасности должны проводиться в культурной, образовательной, уголовной, социальной, контролирующей, миграционной, цифровой и других сферах государственного регулирования и воздействия. Только в таком комплексном единстве осуществляемых государством мер представляется возможным противостоять угрозам в сфере религиозной безопасности и выйти на более высокий уровень её обеспечения.

Под обеспечением религиозной безопасности предлагается понимать государственную деятельность, направленную на защиту российского общества от деструктивного воздействия идеологий экстремистского содержания, псевдоучений тоталитарных сект и деструктивных культов, оккультизма, колдовства, магии и на достижение стабильного состояния для самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России. Данное определение полностью соответствует Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которыми закреплено, что угрозу традиционным ценностям (а религия одна из важнейших таких ценностей) представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, а также отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия стран, не принимающих дружбу РФ, негативно настроенных под влиянием СМИ, косвенно транслирующих ложную информацию для воздействия на общественное сознание и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России.

Для всестороннего и полного противодействия угрозам в сфере религиозной безопасности, по нашему мнению, было бы правильным и необходимым применять следующие правовые меры:

1. Усиление роли религиозного образования и культуры человека. Эта мера обозначена как приоритетная в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей – «Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодёжью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений...». Конкретно эта мера должна осуществляться через более активное взаимодействие органов государственной, федеральной и

муниципальной власти с представителями традиционных религий и конфессий, существующих на территории государства. Следует согласиться с тем, что: «Государство без помощи традиционных религий не в состоянии обеспечить религиозную безопасность нации. Государство бессильно в таких вещах, как религиозное образование, проведение религиозных праздников, богословских конференций и т.д.» [6, с. 12]. Эту функцию на себя должны взять представители основных миролюбивых религий, а власть должна поддерживать и финансировать такие мероприятия. Религиозное просвещение может осуществляться через организацию проведения религиозных праздников, бесплатного распространения литературы на религиозную тематику и вопросов противостояния атеизму, материализму и провозглашённому на Западе обществу потребления, восстановление религиозных традиций. Полученные таким образом знания и культура помогут противостоять человеку в ситуации вербовки его в радикальную секту или вовлечения в экстремистскую радикальную деятельность. Повышать религиозную культуру необходимо не только в среде духовных школ и семинарий, а прежде всего, в светских школах, где школьнику с младшего возраста будут разъяснены основы его религии и угрозы, с которыми он может столкнуться в этой сфере.

2. Усиления криминализации деяний, носящих противоправный характер в религиозной сфере. Следует сказать, что уголовно-правовым мерам обеспечения религиозной безопасности отводится достаточно серьёзное значение, так как именно в результате их воздействия выполняются карательные и превентивные функции по защите религиозных ценностей. Но, по мнению некоторых исследователей, такие меры охватывают не все составы правонарушений в сфере религиозной безопасности или не квалифицируют такие деяния, как отягчающие обстоятельства. В частности, важный вывод, на наш взгляд, при изучении данной проблемы сделал И.А. Тарасевич на примере рассмотрения вопроса о ритуальных человеческих жертвоприношениях, осуществляемых при совершении сатанинских обрядов и культов. Учёный предлагает трактовать такие деяния, как религиозный экстремизм, представляющий повышенный уровень угрозы в обществе. Тогда как официальная позиция законодателя опирается на тот факт, что здесь нет понятия религиозного экстремизма, а речь идёт об обычном убийстве. При религиозном экстремизме должна быть религиозная ненависть и вражда, а при жертвоприношении человека сатанисты, как правило, не испытывают к жертве вообще никаких отрицательных чувств (могут принести в жертву даже своего члена секты). Однако мы считаем, что позицию И.А. Тарасевича следует поддержать на основании его же вывода о том, что: «в деятельности человека религиозная мотивация является наиболее сильной, а значит и преступления в религиозной сфере представляют повышенную общественную опасность, в силу чего уголовная ответственность за них требует особой дифференциации» [7, с. 189]. В результате, исследователь предлагает дополнить ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) пунктом «о»: «Убийство, носящее культовый или ритуальный характер». Интересным представляется и следующий вывод учёного о необходимости дополнить статьи 105, 111, 205.1 УК РФ квалифицирующим признаком «Подстрекательство к совершению деяний, предусмотренных вышеуказанными пунктами настоящей статьи, совершённое с использованием чувств верующих» [7, с. 193]. В рамках данной статьи не представляется возможным проанализировать все предложения данного учёного, но направление его мысли понятно, и с ним следует согласиться. Он предлагает уделить особое отдельное внимание в уголовном законодательстве преступлениям, совершаемым в сфере религиозных отношений и квалифицировать их совершение как отягчающее обстоятельство, а также криминализировать отдельные действия, которые на сегодня не нашли своего за-

---

крепления в УК РФ, но имеют прямое отношение к угрозам в сфере религиозной безопасности.

3. Усиление государственного контроля за деятельностью религиозных организаций и объединений. При создании религиозной организации или объединения они проходят процесс государственной регистрации. Как правило, религиозные организации, как неприбыльные субъекты, не находятся в области пристального и систематического внимания контролирующих органов. Проверки инициируются только в тех случаях, когда уже имеют место факты совершённых преступлений или правонарушений, например адепты сект, занимающиеся массовым мошенничеством, что в настоящее время с учётом цифровых технологий получило широкое распространение. Крайне редко государственные органы интересуются содержанием деятельности таких организаций.

Еще более серьёзным стоит признать факт, когда организация регистрируется с целью осуществления образовательных, просветительских или культурных мероприятий, а на самом деле занимается деструктивной религиозной деятельностью, вербует людей и несовершеннолетних детей для совершения преступлений на почве религиозной вражды и ненависти, оказывает деструктивное идеологическое воздействие на психику человека и пр. В связи с этим считаем уже за неотложную правовую меру необходимость усилить проверки со стороны правоохранительных органов за деятельностью, осуществляемой данными организациями, и не на основании факта нарушения закона, а в виде плановых и превентивных контрольных действий. В дополнение к сказанному будет правильным принять норму закона (речь идёт о Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях») о проведении обязательных религиозно-экспертных экспертиз при регистрации религиозных организаций, не относящихся к традиционным религиям или конфессиям. Предложенные нами правовые меры перекликаются с требованием, закреплённым в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 года о том, что решение проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей должно осуществляться в том числе и с помощью совершенствования деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии.

4. Повышение социально-экономического уровня жизни общества, то есть проведение социальной политики, направленной на борьбу с бедностью. В сфере религиозной безопасности эта мера выражает себя через такое понятие, как прозелитизм. Прозелитизм – это деятельность, несовместимая с уважением к конституционным правам и свободам, которая с целью вербовки новых членов в религиозную организацию сопровождается предложением материальных или социальных выгод, неправомерным воздействием на людей, находящихся в нужде или в бедственном положении, психологическим давлением или угрозой применения насилия [2, с. 165]. Безусловно, социально-имущественное положение человека играет не последнюю роль в вовлечении его в преступную деятельность в сфере религиозной безопасности. Как показывают исследования учёных, преступниками и экстремистами по данному виду преступлений являются социально не обеспеченные слои населения, часть из которых соглашается на преступные деяния исключительно из-за тяжёлого финансового положения [7, с. 192]. Недостаток денег влечёт за собой недостаток в образовании и культуре, что и делает такого человека легкой доступной жертвой для вербовщиков и адептов деструктивных и экстремистских сект. Поэтому государство должно продолжать проводить социальную политику в сфере поддержки малоимущих слоёв населения с тенденцией к её расшире-

---

нию, вовлекать социально-незащищённых людей (особенно молодёжь) в бесплатные спортивные и культурно-образовательные мероприятия. К социально-экономическим мерам по защите людей от вовлечения в преступную деятельность в сфере религиозной безопасности будет правильным отнести и политику государства в сфере оплаты труда, где человеку должна быть обеспечена достойная оплата за его работу, предоставляющая возможность реализовывать свои потребности на среднем уровне.

5. Хотелось бы коснуться нашей темы религиозной безопасности на примере вопиющей ситуации, которая недавно происходила в Украине, непосредственно в Киево-Печерской Лавре. Сатанинская власть, которая господствует в Украине, под благовидным предлогом чистых намерений, решила бить в духовное сердце, разрушить религиозную безопасность, затронуть моральную составляющую, вытеснить и уничтожить монашество, чтобы было легче творить свои злые деяния и управлять людьми. Пусть эти события не происходят на территории России, но нельзя игнорировать их и проходить мимо. Нужно еще раз подчеркнуть – это еще одна попытка разорвать духовную связь между нашими народами, рассорить их на религиозной почве. Зачем? Ответ прост – именно эта связь исторически остается самой глубокой, и останется в сердцах людей, несмотря на все противоречия, рожденные незаконными действиями и русофобской пропагандой в Украине. Наша страна пытается всеми силами защитить, поддержать, обезопасить духовно и физически земли и людей РФ и в Украине.

Безусловно, что каждое из обозначенных выше правовых мер, направленных на обеспечение религиозной безопасности, представляет собой отдельное направление для исследования, и в рамках статьи можно лишь обозначить контуры их дальнейшего изучения и анализа. Но как вывод автор хотел бы отметить, что в настоящее время уже давно назрела необходимость повышения роли и более активного участия государства в сфере обеспечения религиозной безопасности в обществе. Противостоять угрозам в сфере религиозной безопасности возможно только путём реализации перечисленных правовых мер в их системном комплексе, привлекая к их осуществлению как государственные (муниципальные) органы власти, религиозные институты, так и обычных граждан.

Литература

1. Козлов С.В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности // Правоведение. – 2016. – № 11. – С. 19-21.
2. Кортен К. Религиозный прозелитизм как ресурс государственной политики. Прошлый и актуальный опыт России и США // Международные вопросы. – 2022. – № 2 (69). – С. 155-168.
3. Лонский Я.А. Религиозный экстремизм: влияние иммиграции на национальную безопасность России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (17). – С. 180-186.
4. Маркова Е. Н. Доктрина религиозной безопасности как обоснование защиты и ограничения свободы вероисповедания: две стороны одной медали // Научный журнал о религии. – 2022. – № 3. – С. 13-34.
5. Носков Ю.Г. Социально-философский анализ воздействия религиозного фактора на национальную безопасность: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 332 с.
6. Овчинников А.И. Религиозная безопасность России и роль права в её обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 7-15.
7. Тарасевия И.А. К вопросу о построении системы уголовно-правовых и криминологических средств обеспечения религиозной безопасности России // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 5 (13). – С. 186-194.

---

8. Тарасевич И.А. Религиозная безопасность Российской Федерации как объект конституционно-правового исследования // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 23-25.

9. Шамрей В.К. Психиатрия войн и катастроф / Под ред. В.К. Шамрея. – СПб.: СпецЛит, 2015. – 431 с.

10. Фоминская М.Д. Религиозные основания изменения законодательства (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 179-187.

References

1. Kozlov S.V. Legal mechanisms for ensuring religious security // Jurisprudence. – 2016. – No. 11. – Pp. 19-21.

2. Korten K. Religious proselytism as a resource of state policy. The past and current experience of Russia and the USA // International issues. 2022. – № 2 (69). – Pp. 155-168.

3. Lonsky Ya.A. Religious extremism: the impact of immigration on the national security of Russia // Economic and socio-humanitarian studies. – 2018. – № 1 (17). – Pp. 180-186.

4. Markova E.N. The doctrine of religious security as a justification for the protection and restriction of religious freedom: two sides of the same coin // Scientific Journal on Religion. – 2022. – No. 3. – S. 13-34.

5. Noskov Yu.G. Socio-philosophical analysis of the impact of the religious factor on national security: Dis. ... candidate of law. – M., 2000. – 332 p.

6. Ovchinnikov A.I. Religious security of Russia and the role of law in its provision // North Caucasian Legal Bulletin. – 2014. – No. 3. – Pp. 7-15.

7. Tarasevia I.A. On the issue of building a system of criminal-legal and criminological means of ensuring religious security in Russia // Gaps in Russian legislation. – 2020. – № 5 (13). – Pp. 186-194.

8. Tarasevich I.A. Religious security of the Russian Federation as an object of constitutional and legal research // Problems in Russian legislation. – 2018. – No. 2. – Pp. 23-25.

9. Shamrey V.K. Psychiatry of wars and catastrophes / Edited by V.K. Shamrey. – St. Petersburg: SpecLit, 2015. – 431 p.

10. Fominskaya M.D. Religious grounds for changing legislation (doctrine, practice, technique) // Legal technique. – 2023. – No. 17. – P. 179-187.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДА

Б.С. Полтавский, А.В. Жаглин

Центральный филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»
(г. Воронеж, Россия)

Ю.А. Чернышева

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(г. Елец, Россия)

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые исторические этапы становления отечественной уголовной политики в сфере противодействия преступлениям, носящим экстремистский характер. Также даётся краткое объяснение обстоятельств появления правовых актов, регулирующих данные правоотношения, и исследуется само явление экстремизм. Актуальность темы обусловлена повышенной опасностью преступлений экстремистской направленности как для отдельного человека, так и для общества и государства в целом. Экстремизм и его пропаганда стали серьёзной угрозой для всего современного мирового сообщества главным образом в сфере национальной и международной безопасности. В связи с этим возникает необходимость в выработке эффективной уголовной политики в сфере противодействия преступлениям данной категории. Исторический анализ самого явления экстремизм и политики противодействия ему может в этом помочь и привести к дальнейшему совершенствованию механизма реагирования государства на проявления активного радикализма в обществе. Целью исследования является исторический анализ отечественной уголовной политики в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности. Задачи исследования – изучение исторического контекста формирования уголовной политики в данной сфере и сущности экстремизма. Результаты исследования могут быть положены в основу для совершенствования законодательства в сфере пресечения экстремистских преступлений.*

***Ключевые слова:** экстремизм, радикализм, политика, государство, уголовная политика, правовой акт, противодействие*

DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-45-55

NATIONAL HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING EXTREMIST ACTIVITIES TO THE MODERN PERIOD

Bogdan S. Poltava, Andrey V. Zhaglin

Central Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Russian State University of Justice"
(Voronezh, Russia)

Yulia A. Chernysheva

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** The article examines the key historical stages in the formation of domestic criminal policy in the field of combating crimes of an extremist nature. A brief explanation of the circumstances of the emergence of legal acts regulating these legal relations is also given and the phenomenon of extremism itself is examined. The relevance of the topic is due to the increased danger of extremist crimes, both for the individual and for society and the state. Extremism and its propaganda have become a serious threat to the entire modern world community, mainly in the sphere of national and international security. In this regard, there is a need to develop an effective criminal policy in the field of combating crimes of this category. A historical analysis of the phenomenon of extremism itself and the policy of countering it can help with this and lead to further improvement of the mechanism of the state's response to manifestations of active radicalism in society. The purpose of the study is a historical analysis of domestic criminal policy in the field of combating extremist crimes. The objectives of the study are to study the historical context of the formation of criminal policy in this area and the essence of extremism. The results of the study can serve as a basis for improving legislation in the field of suppressing extremist crimes.*

***Keywords:** extremism, radicalism, politics, state, criminal policy, legal act, counteraction*

История уголовной политики в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности имеет сложный и эволюционирующий характер. Это связано как с многоплановостью и неоднозначностью трактовки самого понятия экстремизм, так и с тем, что в разных государствах и в разные периоды времени уголовная политика (если использовать современную терминологию) имела свои особенности и уникальные черты в целом и конкретно в сфере противодействия экстремизму. Историческая ретроспектива необходима для понимания как развивалась ответственность за преступления против безопасности государства и общественного порядка, что позволяет отметить наличие определенных связей и тенденций, а в дальнейшем может послужить основой для современного развития и совершенствования эффективности уголовно-правового противодействия экстремизму. Кроме того исторический анализ и правовое сравнение актов прошлого способствует развитию юридической техники.

Однако прежде чем приступить к разбору исторического аспекта становления уголовной политики в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности в России, стоит определиться, что мы понимаем под понятием экстремизм.

Как уже говорилось выше, экстремизм – это понятие сложное и многоплановое, поскольку существует множество определений и трактовок как на национальном, так и на международном уровне. Поэтому стоит начать с того, что само слово экстремизм

имеет латинское происхождение и в дословном переводе на русский означает «крайний», т.е. «поддерживающий радикальные взгляды или деяния, имеющие деструктивную форму» [9]. Последнее может быть выражено в таких явлениях, как фашизм, ксенофобия, терроризм, национализм, политический радикализм, сегрегация, партизанская война и т.д. Подобного рода взгляды или деяния несут прямую, явную угрозу не только отдельному человеку, но и всему социуму в целом. Экстремизм может быть одновременно как одним из источников насилия в обществе и государстве, так и его следствием. Последнее обычно является результатом неспособности государства, по мнению ряда граждан, обеспечить им безопасность, это влечёт за собой утрату доверия к его институтам, главным образом к правоохранительной системе. Кроме того, одни виды экстремистской деятельности могут прямо или косвенно быть причиной возникновения других его видов, либо находиться в прямой конфронтации между собой. Причиной возникновения экстремизма могут выступать самые разнообразные явления и факторы, среди которых можно выделить: социальное неравенство, нестабильность в государстве, культурную или религиозную нетерпимость, пропаганду, отсутствие идеологии.

В международном праве обычно принято выделять две трактовки понятия экстремизм. Одна из них изложена в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1344 от 29 сентября 2003 г. под наименованием «Об угрозе демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» (далее резолюция). Другая в Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (далее конвенция). Оба документа направлены на противодействие экстремизму, но с учётом своих специфических целей и контекстов. Так резолюция была разработана для сопротивления экстремизму с учётом европейской специфики. В то время как конвенция представляет собой взгляд со стороны азиатских государств.

Согласно резолюции, «экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма» [1].

Согласно конвенции, «экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность» [2].

В основе своей обе трактовки схожи, но отличаются деталями. Резолюция главным образом делает упор на политический характер любой экстремистской деятельности. В свою очередь, конвенция, затрагивая главным образом политическую сущность экстремизма, не сводит её в абсолюте, оставляя место для интерпретации.

В Российской Федерации (далее РФ) также существует свое определение понятия экстремизм, которое даётся в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее 114-ФЗ). Согласно ему экстремистская деятельность, она же экстремизм – это «Насильственное изменение основ конституционного строя; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда превосходства человека, нарушение прав и свобод человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» [3].

Сложности в создании единого термина экстремизм придаёт и тот факт, что в разных ситуациях конкретная экстремистская деятельность может рассматриваться разными слоями населения неодинаково. Терроризм для одних может быть «борьбой за права», хотя для других последнее часто является результатом пропаганды со стороны

экстремистских элементов, с целью оправдать насилие и замаскировать свои истинные мотивы и цели.

Таким образом, можно сказать, что экстремизм—это идеология или деятельность, основанная на радикализме и включающая в себя применение насилия и нарушение установленного порядка с целью достижения политических, социальных или иных целей.

Исторически трудно ответить на вопрос, когда именно возникает экстремизм и соответственно государственное сопротивление ему. Во многом это связано с двумя факторами. Во-первых, сам термин «экстремизм» в современном понимании, как это часто бывает, возник гораздо позже самого явления, которое насчитывает уже несколько тысяч лет (о чём позже). Во-вторых, по меньшей мере, дискуссионным является вопрос, когда точно возникает современное значение термина «экстремизм» и кто является его авторами.

Одни исследователи считают, что впервые термин «экстремизм» возникает в конце XVIII века и связывают это с трудами Ш.Л. Монтескье. Поскольку именно в трудах «отца» современной доктрины разделения властей впервые употребляется данное слово в политическом контексте. По мнению философа, экстремизм – это «крайние формы политического устройства» [8, с. 31]. Другие придерживаются мнения, что он был введен в научный оборот философами и социологами XIX века, среди которых немецкий философ В.Т. Круг. В его словаре впервые было дано энциклопедическое определение экстремиста как лица, не стремящегося к компромиссу и следующего крайностям [12, с. 180]. Наконец, последние отдают пальму первенства французскому юристу начала XX в. М. Лерою, перу которого принадлежит первая научно-юридическая и близкая к современной трактовка данного понятия. Согласно ему экстремизм представляет собой фанатичную, непоколебимую веру в политический идеал [8, с. 31].

Все три точки зрения обычно не вступают друг с другом в противоречие, скорее напротив, дополняют друг друга и отражают степень отношения общества в разное время к такому явлению, как экстремизм. Если в XVIII и даже XIX веке оно словно остаётся «нейтральным», насколько это возможно, условно обозначая лишь сторонника крайних политических взглядов, то начиная с XX века, данный термин приобретает явно негативный характер. Лицо теперь не просто придерживается радикальных взглядов, но и словно фанатик верит и готово их отстаивать.

Если говорить об экстремизме как о явлении, то здесь также сложно говорить о точном месте и времени его появления. Можно лишь с уверенностью утверждать, что оно идет рука об руку с историей человечества, по меньшей мере, начиная от зарождения первых цивилизаций. Согласно одной из теорий, экстремизм впервые появляется в момент, когда происходит социальное расслоение (стратификация) общества, т.е. его деление на различные кланы, классы, касты, слои, сословия и т.д. Подобное деление происходит на основе различных критериев, но чаще всего экономических (уровень дохода, наличие имущества, богатства) и политических (власть) [4, с. 65]. Результатом социальной стратификации явилось «имущественное», социальное и политическое неравенство, что послужило основанием для возникновения конфликта между так называемыми «верхами» и «низами» общества местами перетекающего в экстремизм. Сюда также можно отнести и появление частной собственности.

На протяжении всей истории государства сталкивались с различного рода проявлениями экстремистской деятельности. Начиная от Римской империи и заканчивая современными политическими образованиями, экстремизм всегда находил себе место в том или ином проявлении. Будь то религиозный экстремизм и антисемитизм средних

веков или нацистские и фашистские режимы XX века, каждое его проявление несло за собой негативные последствия как для отдельного общества и государства, так и для всего мирового сообщества.

В связи с вышесказанным, а также учитывая сильную связь экстремизма с государством, можно было бы предположить, что первое возникает с момента появления последнего. Подобное, на наш взгляд, является сомнительным. Да, государственная политика может выступать в качестве потенциального, возможного фактора в развитии экстремистских тенденций, а процесс возникновения нового государства (особенно если речь идет об отделении от другого) может сопровождаться применением насилия. Однако это не является обязательным следствием, результатом появления политического устройства общества. В большинстве случаев государственная политика выступает скорее вспомогательным фактором в вопросе появления экстремизма (исключением могут быть различного рода фашистские, нацистские и иные государства, прямо ставящие своей целью уничтожение определенного слоя населения), уступая место экономическим и социальным факторам. Кроме того, социальное расслоение как феномен возникает раньше государства, предшествует ему и является одним из возможных факторов возникновения самого государства.

История противодействия экстремизму со стороны государств, как и само явление экстремизм, насчитывает не одну сотню лет, но вместе с тем явно выраженный характер оно начало получать лишь в XIX-XX веке. До той поры оно было составной частью общей политики государства по поддержанию порядка. Россия в этом плане не является исключением. Стоит заранее отметить, что вплоть до 2000-х годов в отечественной правовой системе не было не только легального определения экстремизма, но и самого термина, максимум всё ограничивалось научной сферой. Более того, долгое время экстремистские преступления (в современном понимании) соотносились с преступлениями против государственной власти без четкого разделения. Поэтому дальнейшее упоминание в тексте таких понятий, как экстремизм, государственные преступления условно, за исключением случаев прямого цитирования.

В истории России первые проявления экстремизма мы можем найти во времена древней Руси, во времена так называемой «Феодалной раздробленности» XII-XVI веков. Тогда экстремизм нес явный политический характер, поскольку был следствием кровавой борьбы Рюриковичей за господство над территорией всего древнерусского государства. Для нашей страны это имело катастрофические последствия, поскольку вследствие постоянных распрей и убийств князей Русь оказалась неготовой к внешней угрозе, в результате которой фактически прекратило своё существование. В ключевом для той эпохи правовом акте – Русской Правде, фактически отсутствовали нормы, направленные на противодействие «экстремистской деятельности», всё было ограничено установлением ответственности за убийство «княжих слуг» [6, с. 100].

Однако уже в XV веке появляются правовые акты, в которых более четко можно отследить государственные меры сопротивления «экстремизму». Среди таковых Псковская судебная грамота 1467 года и Судебник Ивана III 1497 года. Оба акта устанавливают уголовную ответственность в виде смертной казни за государственную измену, восстания и за любое покушение на государственную власть. Появление такого рода «категорий преступлений» свидетельствует об осознании необходимости обеспечения «национальной безопасности» (если говорить современным языком) [12, с. 180-181]. В дальнейшем положения данных актов были усовершенствованы в новом Судебнике Ивана IV 1550 года.

Новый виток роста экстремизма пришелся на конец XVI – начало XVII века, в так называемое «Смутное время», когда в результате смерти последнего Царя из рода

Рюриковичей, а также нестабильной экономической обстановки в стране фактически установилась анархия и безвластие, в совокупности с иностранной интервенцией. Однако даже после окончания «смуты», в результате утверждения новой правящей династии, на протяжении всего XVII века (получившего в историографии название «Бунташный век») вспыхивали различного рода восстания, мятежи и бунты, преимущественно казачьи и крестьянские. Это было следствием как «шаткого» положения молодой династии, церковной реформы 1650-х, так и в целом общей нестабильности в Европе того времени. Правовым ответом на новые вызовы стало принятие Соборного уложения 1649 года, в котором произошло еще большее ужесточение ответственности за преступления, посягающие на устои государства и государственную власть (наказание за попытку переворота), общественную безопасность, а также против церкви и религии [16, с. 70]. При Петре I в 1715 году был принят Воинский артикул, который во многом выступал в качестве прямого продолжения Соборного уложения 1649 г. Ключевым изменением было установление в качестве возможного объекта преступного посягательства не только на само государство, но и личность царя, что было одним из следствий установления абсолютизма в России. Также впервые устанавливалась ответственность за призывы к экстремистской деятельности (бунт и восстания), а не только за их совершение.

В XIX веке под влиянием идей Великой Французской Революции по всей Европе происходил рост популярности революционных идей, что также привело к первому существенному росту числа экстремистов, в том числе и в России. Первые признаки новой (революционной) экстремистской деятельности замечены ещё в первой половине XIX века (Восстание декабристов 1825 г., часть из которых ставило своей целью не только упразднения абсолютизма, но и убийство всей Императорской семьи), однако они не имели массового характера и были относительно легко подавлены. Другое дело вторая половина XIX – начало XX века, когда страну охватывает революционный терроризм, просуществовавший вплоть до Гражданской войны в России. В это время преимущественно левые революционеры осуществляли систематические покушения на представителей власти различного уровня от местных чиновников до министров. Начало революционному экстремизму положило сразу несколько факторов. Во-первых, половинчатость реформ Александра II и последующие после его смерти контрреформы Александра III. Во-вторых, рост социального неравенства вследствие стремительного развития капиталистических отношений. В-третьих, репрессии со стороны царского правительства (можно одновременно считать причиной и следствием). В-четвертых, возникновение рабочего класса и его стремление к улучшению условий труда, а также радикализация студенческого движения. В-пятых, становление идеологического диссидентства [13].

В это беспокойное время основным источником уголовного права было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а также его редакции 1866 и 1885 годов. Данный документ можно считать первым уголовным кодексом в России или его прародителем, поскольку это был первый кодифицированный акт, содержащий как общую, так и особенную части уголовного права, без «примеси» других отраслей. Впервые в отечественной истории Уложение «вело учет и классификацию преступлений, проступков и соответствующих им наказаний по отдельным категориям и направлениям» [14, с. 8]. Среди таких преступлений выделялись, в частности, преступления против государства, религии, порядка управления, на службе, общественного благоустройства и т.д. Также содержались критерии отдельных видов преступлений, а ответственность устанавливалась в зависимости от степени участия лица в деле [5, с. 204]. В дальнейшем было разработано новое Уголовное уложение 1903 г., призванное стать

лучшей версией своего предшественника. В частности, в нем с целью более эффективного противодействия экстремизму целые главы были посвящены защите государственной безопасности, среди них главы «О бунте против Верховной власти», «О государственной измене» и «О смуте» [5, с. 205]. Кроме того, в нем была устранена казуистика, присущая предшественнику. Однако стоит отметить, что до самого конца существования царского правительства новое Уголовное уложение применялось совместно со старым, поскольку первое действовало на большей территории страны лишь в отдельных главах.

Таким образом, если кратко подводить итог дореволюционному периоду уголовной политики в сфере противодействия экстремизму, то можно сказать, что он характеризуется эволюционным, поэтапным развитием. Именно в это время появляются первые правовые акты, регулирующие вопросы государственной и общественной безопасности. Хотя сам термин «экстремизм» еще не применяется в законодательстве.

После Февральской и особенно Октябрьской революций уровень экстремизма в обществе достиг нового невиданного уровня в отечественной истории. Пришедшие (во многом благодаря революционному экстремизму) к власти большевики помимо начавшейся Гражданской войны и внешней интервенции столкнулись с активной контрреволюционной деятельностью, а действовавшие старые, так называемые «царские» правовые акты, касающиеся государственной безопасности, требовали срочной замены. Первое время советское уголовное законодательство было не кодифицировано, а его источниками выступали не полноценные нормативно-правовые акты, а «обращения правительства к населению, постановления съезда Советов, декреты, указы местных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, инструкции Народного комиссариата юстиции РСФСР, а также судебная практика» [11, с. 83]. Подобная ситуация была обусловлена как политической нестабильностью, так и идеологической дискуссией внутри партии большевиков относительно будущего всей правовой системы в новом социалистическом государстве.

Ситуация начала меняться в 1922 году, когда был принят Уголовный кодекс РСФСР, ставший первым советским уголовным законом. Данный кодекс, как и предшествовавшие ему Уложения 1845 и 1903 годов, состоял из общей и особенной частей, которые отражали уже сложившуюся к тому моменту новую правоприменительную и нормотворческую практику. Впервые были поставлены цели уголовного наказания, близкие к современным (предупреждение совершения преступлений, в том числе тем же лицом, ранее совершившим его, исправление преступника), ключевым методом достижения целей наказания был обозначен исправительный труд, а максимальный срок лишения свободы был ограничен 10 годами [15, с. 70]. Уголовная политика в сфере противодействия экстремизму была выражена главным образом в главе 1, посвященной государственным преступлениям (признанные наиболее опасными, т.к. направлены против Советского строя), которые делились на контрреволюционные и против порядка управления. Наказания за данные виды преступлений были одними из самых суровых и включали в себя высшую меру наказания (смертная казнь) даже без наличия отягчающих обстоятельств, что по кодексу равняет их с воинскими преступлениями. Такая ситуация была прямо связана с продолжающейся борьбой против буржуазии и других враждебных для пролетариата классов. Вскоре из-за сохраняющегося в 20-е годы XX века высокого уровня преступности в стране большевики пересмотрели свою уголовную политику как в целом, так и касаясь преступлений против государства. Результатом стало принятие нового Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. Фактически он повторял ранее действующий кодекс, а все изменения касались ужесточения ответственности (в том числе за преступления, направленные против государства) и

«перемещения составов преступления в иные главы» [7, с. 78]. Среди контрреволюционных преступлений можно выделить: измена родине, вооруженное восстание, сношение с иностранным государством, оказание помощи буржуазии, шпионаж, пропаганда и агитация с призывом к свержению Советской власти и другие. Среди особо опасных преступлений против порядка управления для Союза ССР: массовые беспорядки, бандитизм, похищение огнестрельного оружия.

Следующим этапом развития уголовной политики в области противодействия экстремизму стало принятие Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и очередного Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, действовавшие вплоть до распада СССР и принятия современного Уголовного кодекса. Из нововведений стоит отметить отказ от понятий «контрреволюционные преступления» и «особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления с сохранением термина «государственные преступления». Первые два понятия были заменены на «особо опасные государственные преступления» и «иные государственные преступления». Подобное изменение обусловлено главным образом «ликвидацией в СССР класса помещиков и буржуазии, которые, являясь эксплуататорским классом, совершали контрреволюционные преступления, наличием враждебной деятельности, направленной на подрыв Советского государства извне и т.п.» [10, с. 314]. Другим изменением было отсутствие определений ключевых понятий, как это было в предшествующих кодексах. Именно в Уголовном кодексе 1960 года ст. 74 была впервые установлена уголовная ответственность за разжигание межнациональной розни и унижение человеческого достоинства (современная ст. 282 УК РФ), а ст. 70 (пусть и в более поздней редакции), предусматривающая уголовную ответственность за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя, стала одной из основ для современной ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности). Таким образом, прямо наблюдается правовая преемственность.

Если кратко суммировать советский период уголовной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности, то напрашивается следующий вывод: изначально построенная на базе контрреволюционных преступлений, она постепенно вернулась к государственной, так и не успев перейти в экстремистскую, что стало основой для этого уже в современной отечественной истории. Причиной тому может быть как ограниченное влияние экстремистской деятельности на советское общество, большую часть его истории, так и политические соображения.

Исходя из всего выше сказанного, можно заключить, что уголовная политика в сфере противодействия экстремизму возникла и существует в России на протяжении многих столетий. На каждом историческом этапе она претерпевала многочисленные изменения. Каждый раз при возникновении опасности для общества и государства она трансформировалась для повышения своей эффективности, при этом легальное определение экстремизма отсутствовало. Вместо него существовали понятия террористические, контрреволюционные, государственные и иные посягающие на политическое устройство общества преступления. Однако это не умаляет эффективности раннее существовавших норм, скорее подчеркивает тот долгий и тернистый путь, что прошла вся отечественная правовая система вплоть до сегодняшнего дня.

Литература

1. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: Резолюция 1344 (2003). – URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения 22.11.2023).

-
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения 22.11.2023).
  3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности». Консультант Плюс: компьютерная справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 22.11.2023).
  4. Воронцов С.А. Понятие экстремизма и его существенные признаки // Философия права. – 2007. – № 4. – С. 65-71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekstremizma-i-ego-suschnostnye-priznaki> (дата обращения: 23.11.2023).
  5. Ганаева Е.Э. Ретроспективный анализ отечественного дореволюционного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления экстремистской направленности // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 10 (190). – С. 203-206. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-otechestvennogo-dorevoljutsionnogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-predusmatrivayuschego-otvetstvennost-za> (дата обращения: 24.11.2023).
  6. Георгиевский Э.В. Убийство в уголовном праве Древней Руси // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 2. – С. 96-106. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubiystvo-v-ugolovnom-prave-drevney-rusi> (дата обращения: 23.11.2023).
  7. Голенко Д.В. Исторический опыт структурирования Особенной части уголовного кодекса (на примере УК РСФСР 1926 года) // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – № 3. – С. 74-78. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskij-opyt-strukturirovaniya-osobennoy-chasti-ugolovnogo-kodeksa-na-primere-uk-rsfsr-1926-goda> (дата обращения: 24.11.2023).
  8. Жданкин В.А. Феномен современного экстремизма в ценностном и праксиологическом измерениях деятельности // Научный портал МВД России. – 2018. – № 2(42). – С. 30-35.
  9. Мирончуковская В.В., Полтавский Б.С. Молодежный и подростковый экстремизм: современный контекст // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2023. – Т. 1. – № 3(105). – С. 142-152.
  10. Николаева Ю.В. Уголовная ответственность за государственные преступления в советский период // Образование и право. – 2022. – № 9. – С. 308-318. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-gosudarstvennye-prestupleniya-v-sovetskiy-period> (дата обращения: 24.11.2023).
  11. Петрянин А.В. Особенности уголовной ответственности и наказания за преступления экстремистской направленности в период становления советского государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 82-87. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-nakazaniya-za-prestupleniya-ekstremistskoy-napravlenosti-v-period-stanovleniya-sovetskogo> (дата обращения: 24.11.2023).
  12. Погорельцев В.И. Зарождение и развитие экстремизма в мире и в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3-2. – С. 178-184. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-i-razvitie-ekstremizma-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 22.11.2023).
  13. Синцов Г.В., Первушкин А.В. Экстремизм в Российской империи: причины зарождения // Вестник ПензГУ. – 2019. – № 1 (25). – С. 25-29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-rossiyskoy-imperii-prichiny-zarozhdeniya> (дата обращения: 24.11.2023).
-

---

14. Скряля К.Ю. Из истории законодательной мысли – анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года // Научный вестник Крыма. – 2019. – № 4 (22). – С. 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-zakonodatelnoy-mysli-analiz-ulozheniya-o-nakazaniyah-ugolovnyh-i-ispravitelnyh-ot-1845-goda> (дата обращения: 24.11.2023).

15. Упоров И.В., Шеуджен Нурдин Асланович УК РСФСР 1922 года: К 100-летию первого советского уголовного закона // Общество и право. – 2022. – № 3 (81). – С. 68-73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uk-rsfsr-1922-goda-k-100-letiyu-pervogo-sovetskogo-ugolovnogo-zakona> (дата обращения: 24.11.2023).

16. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год / Сост. В.А. Томсинов. – М., 2000. – 334 с.

References

1. On the threat to democracy from extremist parties and movements in Europe: Resolution 1344 (2003). – URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (accessed November 22, 2023).

2. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (access date 11/22/2023).

3. Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ (as amended on December 28, 2022) “On countering extremist activities.” Consultant Plus: computer legal help system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (accessed November 22, 2023).

4. Vorontsov S.A. The concept of extremism and its essential features // Philosophy of Law. – 2007. – No. 4. – P. 65-71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekstremizma-i-ego-suschnostnye-priznaki> (access date: 11/23/2023).

5. Ganaeva E.E. Retrospective analysis of domestic pre-revolutionary criminal legislation providing for liability for extremist crimes // Agrarian and Land Law. – 2020. – No. 10 (190). – Pp. 203-206. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-otechestvennogo-dorevolutsionnogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-predusmatrivayuschego-otvetstvennost-za> (date of access: 11/24/2023).

6. Georgievsky E.V. Murder in the criminal law of Ancient Rus' // Siberian Legal Bulletin. – 2010. – No. 2. – P. 96-106 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubiystvo-v-ugolovnom-prave-drevney-rusi> (access date: 11/23/2023).

7. Golenko D.V. Historical experience of structuring the Special Part of the Criminal Code (according to the type of the Criminal Code of the RSFSR of 1926) // Legal Bulletin of Samara University. – 2019. – No. 3. – Pp. 74-78. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorichesky-opyt-strukturirovaniya-osobennoy-chasti-ugolovnogo-kodeksa-na-primere-uk-rsfsr-1926-goda> (access date: 11/24/2023).

8. Zhdankin V.A. The phenomenon of modern extremism in the value and praxiological dimension of activity // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 2(42). – P. 30-35.

9. Mironchukovskaya V.V., Poltavsky B.S. Youth and teenage extremism: modern context // Bulletin of the Volga University named after. V.N. Tatishcheva. – 2023. – T. 1. – No. 3(105). – Pp. 142-152.

10. Nikolaeva Yu.V. Criminal liability for manifestations of crimes in the Soviet period // Education and law. – 2022. – No. 9. – Pp. 308-318. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-gosudarstvennye-prestupleniya-v-sovetsky-period> (access date: 11.24.2023).

---

11. Petryanin A.V. Features of criminal liability and punishment for extremist crimes during the formation of the Soviet state // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – No. 17. – Pp. 82-87. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-nakazaniya-za-prestupleniya-ekstremistskoy-napravlenosti-v-period-stanovleniya-sovetskogo> (date of access: 11/24/2023).

12. Pogoreltsev V.I. The origin and development of extremism in the world and in Russia // International Journal of Humanities and Humanities. – 2020. – No. 3-2. – Pp. 178-184. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-i-razvitie-ekstremizma-v-mire-i-v-rossii> (access date: 11/22/2023).

13. Sintsov G.V., Pervushkin A.V. Extremism in the Russian Empire: the cause of its origin // Bulletin of PenzGU. – 2019. – No. 1 (25). – Pp. 25-29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-rossiyskoy-imperii-prichiny-zarozhdeniya> (access date: 11.24.2023).

14. Skrelya K.Yu. From the history of legislative thought – analysis of the “Code on Criminal and Correctional Punishments” of 1845 // Scientific Bulletin of Crimea. – 2019. – No. 4 (22). – P. 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-zakonodatelnoy-mysli-analiz-ulozheniya-o-nakazaniyah-ugolovnyh-i-ispravitelnyh-ot-1845-goda> (date of access: November 24, 2023).

15. Uporov I.V., Sheudzen Nurdin Aslanovich Criminal Code of the RSFSR 1922: To the 100th anniversary of the first Soviet criminal law // Society and law. – 2022. – No. 3 (81). – P. 68-73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uk-rsfsr-1922-goda-k-100-letiyu-pervogo-sovetskogo-ugolovnogo-zakona> (access date: 11/24/2023).

16. Reader on the history of the Russian state and law. X century – 1917 / Comp. V.A. Tomsinov. – M., 2000. – 334 p.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

А.В. Поваляева, В.В. Мирончуковская
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития уголовного законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности в России в исторической ретроспективе. Исследуются различные подходы ученых начала XX века в определении объекта преступления. Анализируются отдельные нормативно-правовые акты советского периода об обеспечении информационной безопасности государства. Выделяются ключевые этапы реформирования государственных органов в сфере обеспечения информационной безопасности и их последствия.

Выделяется как самостоятельный объект – информационная безопасность. Отмечается отсутствие комплексного подхода в законодательстве к решению вопросов обеспечения информационной безопасности.

Подчеркивается важная роль нормативно-правовых актов XXI века – международных и национальных, которые устанавливают правовые основы обеспечения информационной безопасности.

Информационная безопасность, взяв на себя контроль за системой общественных отношений, является еще и составляющей информационного права, как одного из институтов России. Поэтому грамотное обеспечение защиты информационной безопасности уголовно-правовыми средствами очень важно.

Обратившись к современному законодательству можно увидеть, что как таковая система обеспечения защиты информационной безопасности там отсутствует. То есть, по сути, в Уголовном кодексе Российской Федерации нет конкретной главы или раздела, который посвящался бы только информационной безопасности. Все пункты, имеющие отношение к этому понятию разбросаны по разным главам.

Авторы делают вывод, что информационные ресурсы составляют основу духовного и научно-технического потенциала России. Поэтому их необходимо использовать рационально и сохранять, не нарушая при этом конституционные права граждан, обеспечив им свободный доступ к получению, передаче, поиску и распространению информации законными способами.

Ключевые слова: информационная безопасность, преступление, национальные интересы, информационные технологии

DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-56-67

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY IN RUSSIA

Alina V. Povalyaeva, Victoria V. Mironchukovskaya

Bunin Yelets State University

(Yelets, Russia)

***Abstract.** The article examines the development of criminal legislation in the field of national security in Russia in historical retrospect. Various approaches of scientists from the beginning of the XX century in determining the object of the crime are being studied. Separate normative legal acts of the Soviet period on ensuring the information security of the state are analyzed. The key stages of reforming state bodies in the field of information security and their consequences are highlighted.*

It stands out as an independent object – information security. The lack of an integrated approach in legislation to addressing issues of information security is noted.

The important role of normative legal acts of the XXI century is emphasized – international and national, which establish the legal basis for ensuring information security.

Information security, having assumed control over the system of public relations, is also a component of information law, as one of the institutions of Russia. Therefore, competent provision of information security protection by criminal law means is very important.

Turning to modern legislation, one can see that there is no information security protection system as such. That is, in fact, there is no specific chapter or section in the Criminal Code of the Russian Federation that would be devoted only to information security. All the items related to this concept are scattered in different chapters.

The authors conclude that information resources form the basis of the intellectual and scientific and technical potential of Russia. Therefore, they must be used rationally and preserved without violating the constitutional rights of citizens, providing them with free access to receive, transmit, search and disseminate information in any way.

Keywords: *information security, crime, national interests, information technology*

Информационная безопасность, относительно уголовного права, является системой общественных отношений, охраняемых законом. Это связано с научным обоснованием объекта преступления уголовного права, которым и являются те же самые общественные отношения. Однако это мнение разделяется не всеми учеными.

Так, еще до наступления революции в России существовало несколько интерпретаций объекта преступления. Большинство этих идей были основаны на мнении немецкого криминалиста А. Фейербаха, который определял объект как субъективное право.

Например, В.Д. Спасович определял преступление как «посягательства на чье-либо право, охраняемое государством посредством наказания». Из этого мнения следовало, что предметом преступления обязательно будет только лицо и, если государство отменит защиту права, то его нарушение уже не будет уголовно наказуемым [13, с. 94]. Позже В.Д. Спасович разработал теорию нормативного права, которое получило известность в России в начале 19 века.

Критиком указанных выше теорий выступал С.В. Познышев, который рассматривал свое видение объекта преступления, как конкретных отношений, состояний лиц или вещей, охраняемых законом под страхом наказания [12, с. 133]. Похожее мнение высказывал Н.С. Тагинцев, который видел объект преступления не только как юридическую норму, но и как стоящие за ней блага и интересы.

В науке отечественного уголовного права понятие объекта преступления как общественных отношений появилось только в 1924 году, благодаря публикации его в одном из учебников уголовного права А.А. Пионтковским. Эта идея легла в основу современного законодательства.

Информационная безопасность, взяв на себя контроль за системой общественных отношений, является еще и составляющей информационного права, как одного из институтов России. Поэтому грамотное обеспечение защиты информационной безопасности уголовно-правовыми средствами очень важно.

Обратившись к современному законодательству, можно увидеть, что как таковая система обеспечения защиты информационной безопасности там отсутствует. То есть, по сути, в Уголовном кодексе Российской Федерации нет конкретной главы или раздела, который посвящался бы только информационной безопасности. Все пункты, имеющие отношение к этому понятию, разбросаны по разным главам. Поэтому хотелось бы рассмотреть, каким образом строилось законодательство в России в отношении защиты информационной безопасности.

Для начала следует отметить, что информационные технологии были известны миру еще со времен СССР, но отечественная политика долго не строилась на информационном обществе, в отличие от других прогрессивных стран. Наиболее важными периодами в построении технологий были 70-е и 80-е годы. Еще с начала 70-х годов активно использовались технические средства разведки, а в 80-е начался бурный научно-технический прогресс в области военного производства. Хотя довольно длительное время Советский Союз старался сдерживать натиск западных стран в информационной войне, но, в конце концов, потерпел поражение. Однако в дальнейшем, после распада СССР, страна сохранила значительную часть технологической системы бывшего Союза, что дало право на обеспечение защиты внутренней информационной сферы.

Но мы углубимся еще дальше в 20-е годы, где проявили себя первые зачатки системы информационной безопасности. Все началось с постановления Малого Совнаркома от 5 мая 1921 года при ВЧК о создании специального отдела под руководством Г.И. Бокия. Это была первая криптографическая служба, к которой позже присоединились и эксперты дешифровальщики.

В октябре того же года Декретом СНК утверждается список сведений, которые не подлежат распространению и составляют военную или экономическую тайну. Следом, постановлением СНК РСФСР от 13 октября 1921 года создается «Положение о военной цензуре ВЧК», в котором указывается цензура печатных изданий, произведений, корреспонденций и вводится контроль над радиотелеграфными связями, в целях защиты военных, экономических и политических интересов. В июне 1922 года образовывается Главное управление по делам издательства при Наркомате просвещения, которое контролирует издательскую деятельность.

Стоит упомянуть и первый советский уголовный кодекс, который был принят в мае 1922 года и собрал в себе нормативные акты и судебные практики, использовавши-

---

еся ранее. В дальнейшем он не раз будет подвергаться изменениям в соответствии в политической обстановкой того или иного периода.

В августе 1922 года Секретариат ЦК РКП (б) принимает постановление «О порядке хранения и движения секретных документов». Они же и утверждают постановление «О порядке хранения секретных постановлений ЦК РКП (б)» [5, с. 55]. При этом для хранения секретных документов выделяются специальные секретные части.

За период 30-х годов стоит отметить три приказа и одно постановление. Это Приказы НКО СССР от 1930 года о «Наставлении по мобилизационной работе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях РККА», от 1937 года «Положение о центральной военной цензуре РУ» и от 1939 года о «Наставлении по секретному делопроизводству в РККА». Постановление СНК СССР было утверждено 17 июня 1939 года и называлось «О реорганизации фельдъегерской связи НКВД СССР», где перевозка секретных писем возлагалась на фельдъегерскую связь НКВД и специальную связь Наркомата связи [5, с. 67].

В 1947 году вновь расширяется список секретных сведений с выходом постановления СМ СССР «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». Затем, Указом Президиума Верховного Совета СССР утверждается документ под названием «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну», где были указаны санкции за несоблюдение первого постановления. В том же году был создан Комитет информации, занимавшийся вопросами внешней разведки, который просуществовал всего четыре года, после чего его функции были вновь отданы под управление МГБ СССР.

В марте 1948 года постановлением Совета Министров СССР выходят «Перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну» и «Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР». В перечне сведения подразделялись на 8 позиций, где были отражены мобилизационные вопросы, финансовые, политические, экономические, военные, научно-технические, информация об Арктике и другие сведения. Инструкция определяла порядок секретности сведений с указанием ее степени (всего их было три) и классифицировала названия секретных органов.

50-е годы ознаменованы большим количеством законодательных реформ и разнообразием реорганизаций. Так вначале 50-х годов все еще функционирует МГБ СССР, а уже в 1953 году, после смерти Сталина, оно входит в состав МВД СССР. В 1954 году при СМ СССР создается Комитет государственной безопасности (КГБ), за счет чего усиливаются органы государственной безопасности. В каждой военной отрасли образуются особые отделы КГБ, т.е. органы военной контрразведки [10, с. 504]. В конце 50-х утверждается Положение о КГБ при СМ СССР и его органах на местах, где прописываются его основные задачи, такие как контрразведывательная и разведывательная работа на разного рода секретных объектах, борьба со шпионской деятельностью внутри СССР, охрана государственных лиц и границ, организация правительственной связи, разработка нормативных актов, инструкций, положений и планов, связанных с разведывательной деятельностью.

В тот же период особо уделяется внимание вопросам защиты связи. В 1958 году создается Центральная межведомственная комиссия по электросвязи, которая занима-

---

лась пресечением подслушиваний на государственных границах, перевозкой секретных сведений и техники посредством спецсвязи и фельдсвязи, разработкой мероприятий для улучшения защиты связи. Выходит постановление ЦК КПСС «О мерах по сохранению государственной тайны».

В феврале 1960 года произошла очередная реорганизация. На этот раз была сокращена численность КГБ и изменена их структура. А в 1967 году в районах и городах были реорганизованы аппараты уполномоченных в соответствующие отделы и отделения КГБ. В июле того же года ЦК КПСС и СМ СССР дают возможность КГБ самостоятельно организовать подразделения по борьбе с идеологической диверсией противника на местах [5, с. 102].

В 60-е годы происходит расширение состава органов, выполняющих вышестоящие функции защиты государственных секретов. К таким органам относились, например, ГКГБ, ГК СССР по технике и науке, Главное управление картографии и геодезии и по охране гостайн и печати.

Относительно 60-х годов следует упомянуть и изменения уголовного законодательства по отношению к национальной безопасности. Так, Президиумом ВС СССР были внесены дополнения. Это послабление мер в виде освобождения от ответственности граждан СССР, которые были завербованы иностранной разведкой, если они сделали добровольное признание и не совершили никаких противоправных действий; установление срока заключения 7 лет с последующей 5-летней ссылкой за распространение агитационной информации с целью подрыва власти. В 1966 году ВС СССР принимают указ «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злостные нарушения правил движения по территории СССР». Годом позже СМ СССР подписывается постановление «Об упорядочении системы ознакомления иностранных делегаций, отдельных ученых и туристов с научно-техническим достоянием СССР», в котором рассматривался порядок приема иностранных делегаций. Так, согласно постановлению, руководители предприятий, которые хотят принять иностранных гостей, должны были обязательно согласовать это мероприятие с органами государственной безопасности за 5 дней до приема, составить и утвердить план приема, выбрать заранее объекты и предметы показа, организовать специальные помещения вне охраняемых зон, в случае регулярного приема иностранцев, фиксировать информацию с результатами этих встреч.

В 1973 году ЦК КПС и СМ СССР принимают постановление «О мерах противодействия иностранным техническим разведкам», благодаря которому разрабатываются новые способы противодействия иностранной разведке по отношению к военной промышленности под управлением Государственной комиссии СССР по противодействию иностранным техническим разведкам.

Годом ранее Указом Президиума ВС СССР выходит документ под названием «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия» [15, с. 155]. Благодаря ему органы государственной безопасности могли делать официальные предупреждения в виде протоколов гражданам, которые не совершали уголовного деяния, но, например, допускали контакты с иностранцами или нарушали правила обращения с документацией.

В 1976 году ЦК КПСС и СМ СССР выпускают постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы сохранения государственных секретов». В

том же году хочется отметить и принятие постановления «О мерах противодействия иностранным техническим разведкам», которое было выпущено для развития постановления «О мерах по усилению режима секретности», принятое шестью годами ранее.

7 октября 1977 года в силу вступила новая Конституция СССР, где обеспечение информационной безопасности государства выносилось на первый план и отдавалось под контроль высших органов государственного управления и власти СССР [5, с. 113]. Это нововведение имело большое значение для совершенствования деятельности органов защиты информации.

С конца 70-х и в начале 80-х годов происходят значительные изменения в структуре КГБ. В 1978 году их переименовывают из КГБ при Совете Министров СССР в КГБ СССР. В сентябре 1981 года внутри КГБ создается самостоятельное 4-е Управление, занимающееся контрразведкой на объектах транспорта и связи. В 1982 году подобно создается 6-е Управление по защите экономики от действий иностранных спецслужб. В 1983 году в КГБ образуется специальное подразделение по защите ОМВД СССР. Затем реорганизация КГБ происходит в основном в связи с демократизацией общественной жизни в СССР [6, с. 45].

В 1984 году вышел Указ Президиума ВС СССР «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР об уголовной ответственности и уголовном судопроизводстве», которым устанавливалась уголовная ответственность за передачу научно-технических, экономических и других секретных сведений иностранным организациям лицами, которым эта информация была доверена по службе [14, с. 367]. Так как военное производство в этот период развивалось полным ходом, вопросы защиты информации стояли особенно остро и подобные нововведения были необходимы.

90-е годы в истории России считаются наиболее неоднозначными и разнообразными, как по части развития, так и по части распада. Это время активного развития предпринимательства, появления мобильных телефонов, компьютеров и Интернета. С другой стороны этот период характеризуется распадом экономики, политическим кризисом, развалом СССР и ростом терроризма. Также в это время происходит большое количество законодательных изменений.

С наступлением технического прогресса вопрос обеспечения информационной безопасности становится все важнее. Еще до распада СССР в 1990 году Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР утверждает «Методические рекомендации по охране сведений, подлежащих защите от разглашения в печати и других средствах массовой информации». В этом же году СМ СССР утверждает «Положение о разработке, изготовлении и обеспечении эксплуатации шифровальной техники, государственных и ведомственных систем связи и управления и комплексов вооружения, использующих шифровальную технику».

16 мая 1991 года ВС СССР принимают закон «Об органах государственной безопасности в СССР», который давал контроль высшим органам государственной власти и прокуратуре следить за исполнением своих обязанностей органам государственной безопасности. В августе 1991 года происходит распад СССР и возникновение СНГ, после чего последний закон утрачивает силу [11, с. 116].

Далее в части защиты информации нормативный акт появляется только в апреле 1994 года. Это было «Положение о государственном лицензировании деятельности в

области защиты информации», утвержденное совместным решением Государственной технической комиссии при Президенте РФ и Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте РФ. В этом же году постановлением Правительства РФ утверждается «Положение о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти».

В 1995 году постановлением Правительства выходят еще 3 документа. Это «Положение о лицензировании деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны», «Положение о сертификации средств защиты информации» и «Правила отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности». В ноябре того же года Указом Президента РФ утверждается «Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне». В начале 1996 года утверждается «Положение о Межведомственной комиссии по защите государственной тайны» [5, с. 118].

Благодаря подписанию Окинавской хартии в то время были предприняты успешные попытки объединения России и других развитых стран для обеспечения безопасности мирового информационного сообщества, развития постиндустриального пространства, создания комфортных условий для обмена информацией между людьми и устранения проблем информационного неравенства [1]. Это стало важным толчком для развития общества XXI века.

Утверждение Доктрины информационной безопасности прояснило некоторые положения Концепции национальной безопасности Российской Федерации, появившейся в том же 2000 году 10 января [2]. Благодаря Доктрине был установлен официальный взгляд на национальные интересы в сфере информатизации, обеспечение безопасности этих интересов, в том числе создание методов противодействия угрозам и системы обеспечения информационной безопасности. Она объединила органы государственной власти в части согласования их деятельности в обеспечении защиты национальных интересов информационной сферы от внутренних и внешних угроз, а также положила начало практического участия Российской Федерации в реализации международных целей, прописанных в Окинавской хартии. Для этого был проанализирован прошлый опыт советского периода и периодов политических и социально-экономических преобразований. Создание информационных условий национальной безопасности, отмеченных в Доктрине, касается развития социальной, экономической и материальной составляющей информационного общества России и его институтов, а также знаменует информатизацию политической, социальной и духовной сфер общественной жизни, обеспечения международных стандартов поддержания прав личности.

В эти же годы находит свое развитие правовое регулирование информационной безопасности. Появляются такие законы, как «Об информации, информатизации и защите информации», «Об участии в международном информационном обмене», «О связи», «О государственной тайне». С появлением первой и второй части изменяется Гражданский Кодекс Российской Федерации. Уголовный и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации выходят в новых редакциях. Утверждаются законы о регулировании средств массовой информации и деятельности органов исполнительной власти по противодействию угрозам национальных интересов информационной без-

---

опасности [7, с. 68]. Все это способствует и развитию средств безопасности в Интернете, сетях связи и автоматизированных системах, использующихся в работе производств и предприятий.

Современное общество активно использует информационную среду не только для собственного развития, но и для преобразования социально-политической и экономической сфер жизни. Это связано с потребностью активной части общества реализовать свои конституционные права на развитие экономической, интеллектуальной и, в первую очередь, информационной деятельности, путем информационной коммуникации не только внутри страны, но и за ее пределами. Так, по данным всемирной организации ЮНЕСКО были отмечены самые популярные виды связи: мобильная и Интернет. При этом в России уже к 2000 году насчитывалось порядка 2 млн. человек, зарегистрированных в Интернете. Из них активными пользователями были не менее 1,2 млн. человек [9, с. 43]. На начало 2023 года в РФ таких пользователей уже 127,6 млн. человек и их число продолжает активно расти.

Тем самым нужно понимать, что информационная сфера занимает значительное место в жизни нашего государства. Поэтому зависимость России от информационного общества дает важный толчок к обеспечению безопасности интересов этого общества и страны в целом.

Перечисление национальных интересов в сфере информации было утверждено и закреплено в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации 2006 года. Эти интересы включают в себя следующее:

- соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны;
- информационное обеспечение государственной политики Российской Федерации;
- развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации, в том числе индустрии средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечение потребностей внутреннего рынка ее продукцией и выход этой продукции на мировой рынок, а также обеспечение накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов;
- защиту информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем как уже развернутых, так и создаваемых на территории России [2].

Все это необходимо для грамотного формирования российского информационного общества в XXI веке. Имеется ввиду такой подход к обществу, который поможет развивать людям свои возможности в информационной сфере, благодаря эффективному использованию интеллектуальных технологий. Если вернуться к Окинавской Хартии глобального информационного общества, то похожее можно увидеть в одной из ее задач. Здесь описано, что главы всех государств, подписавших документ, должны обеспечить людям беспрепятственный доступ к преимуществам глобального информационного общества [1]. Из этого следует, что Россия подготовилась к полномасштабному участию в обеспечении национальной безопасности страны, благодаря решению име-

---

ющихся проблем и тех, которые могут появиться в процессе реализации задач, требующих более длительного времени для их решения.

Что касается вышеуказанных национальных интересов, описанных в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, здесь необходимо, в первую очередь, обратить внимание на духовное возрождение многонациональности народа России, объединении общества страны и повышение эффективности информационной сферы для удовлетворения интересов общества. Конечно, реализация этого в современных условиях довольно непростая задача. Это связано с имеющимся до сих пор расколом на бедных и богатых, вследствие чего происходит неравное использование ресурсов информационных технологий. Создание равных условий для каждого члена общества возможно путем образования специализированных социальных институтов поддержки жителей, которым требуется повышение квалификации в вопросе информатизации.

26 июля 2006 года был утвержден Федеральный закон Российской Федерации № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4]. Это один из основополагающих нормативных документов, регулирующих правовые отношения во время поиска, передачи и распространения информации.

Еще одним наиболее важным документом для развития информационного общества России стала Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации [3]. Этот документ впервые был утвержден в 2008 году и положил начало активному использованию коммуникационных технологий гражданами, бизнесом и органами государственной власти. Согласно положениям Стратегии целью развития и формирования информационного общества служило повышение качества жизни граждан, конкурентоспособности страны, совершенствование социально-политической, экономической, культурной и духовной ее части, улучшение государственного управления в сфере информационных технологий.

В 2017 году Президентом Российской Федерации была утверждена новая Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017-2030 годы [3]. Здесь уже цели направлены на защиту национальных интересов общества. Описаны меры по реализации внешней и внутренней политики России в части коммуникационных и информационных технологий для развития информационного общества, которое определяется здесь, как общество, непосредственно меняющее социальные, культурные и экономические сферы жизни граждан путем доступности и применения информации.

Еще одним важным изменением в новой редакции стала задача развития цифровой экономики в России. Цифровая экономика – это такая деятельность, где основным фактором производства становятся цифровые данные, обрабатываемые в большом количестве, а анализ их результатов позволяет в значительной мере увеличить эффективность любого рода производства, технологий, обработки, хранения, оборудования, продажи, доставки товаров и услуг. Для реализации развития этого направления вслед за новой Стратегией развития была утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Можно с уверенностью сказать, что информационные технологии влияют на экономику Российской Федерации. Это определяется количеством активных пользователей в сетях Интернета, которые ежедневно используют их для приобретения коммерческих товаров и услуг, получения государственных услуг и совершения денежных пе-

---

реводов. Однако, несмотря на большое количество людей, использующих информационные технологии, частота их использования для эффективности развития в части экономики все еще мала. Все-таки цифровая экономика подразумевает использование более наукоемких технологий для ускорения процесса производства и обработки большого количества данных за короткий промежуток времени. А современная экономика в России строится на наработках зарубежных компаний, что может привести к нарушению информационной безопасности [8, с. 73].

Информационные ресурсы составляют основу духовного и научно-технического потенциала России. Поэтому их необходимо использовать рационально и сохранять, не нарушая при этом конституционные права граждан, обеспечив им свободный доступ к получению, передаче, поиску и распространению информации законными способами.

Так как современные достижения научно-технического прогресса, новейшие информационно-телекоммуникационные технологии могут быть использованы и уже используются в преступных целях, реализация положений Стратегии развития информационного общества на 2017-2030 годы невозможна без принятия адекватных мер по обеспечению информационной безопасности. И чем развитее будет информационное общество, тем больше сил и средств потребует государство, чтобы обеспечить его безопасность. Ведущую роль в создаваемом механизме обеспечения национальной безопасности должно играть право со всеми присущими ему методами и средствами. Арсенал технологий воздействия на информационную сферу, систему социальных отношений государства, индивидуальное и массовое сознание общества в настоящее время разнообразен и характеризуется высокой степенью опасности. В этих условиях наиболее подвержены опасности национальные интересы РФ в информационной сфере. В то же время развитие правового регулирования в информационной сфере будет существенным образом обеспечивать информационную безопасность РФ, что, в свою очередь, будет способствовать обеспечению национальной безопасности РФ в целом.

Литература

1. Окинавская Хартия глобального информационного общества: Международный договор Хартия от 22.07.2000 // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8.
2. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
3. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05. 2017 № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
4. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий: Международное соглашение от 28.09.2018 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 33. – Ст. 5883.
5. Бабаш А.В. Информационная безопасность. История защиты информации в России. – Москва: Книжный дом «Университет» (КДУ), 2018. – 172 с.
6. Бондарев В.В. Введение в информационную безопасность автоматизированных систем. – Москва: Московский Государственный Технический Университет (МГТУ) имени Н.Э. Баумана, 2018. – 585 с.

-
7. Васильков А.В. Безопасность и управление доступом в информационных системах: Учебное пособие. – Москва: Форум, 2021. – 463 с.
  8. Глинская Е.В. Информационная безопасность конструкций ЭВМ и систем: Учебное пособие. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 118 с.
  9. Девянин П.Н. Анализ безопасности управления доступом и информационными потоками в компьютерных системах. – Москва: Радио и связь, 2018. – 176 с.
  10. Клейменов С.А. Информационная безопасность и защита информации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Гриф УМО МО РФ. – Москва: Академия (Academia), 2020. – 692 с.
  11. Крылов Г.О. Базовые понятия информационной безопасности: Учебное пособие. – Москва: Русайнс, 2021. – 522 с.
  12. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. – Москва, 1912. – С. 133.
  13. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. – СПб., 1863. – 104 с.
  14. Федоров А.В. Информационная безопасность. Политическая теория и дипломатическая практика: Монография. – Москва: МГИМО-Университет, 2019. – 653 с.
  15. Ярочкин В. Безопасность информационных систем. – Москва: Ось-89, 2021. – 320 с.

References

1. Okinawan Charter of the Global Information Society: International Treaty Charter dated 07/22/2000 // Diplomatic Bulletin. – 2000. – No. 8.
  2. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 50. – St. 7074.
  3. On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 50. – St. 7074.
  4. Agreement on cooperation of the member States of the Commonwealth of Independent States in combating crimes in the field of information technology: International Agreement dated 09/28/2018 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 33. – Article 5883.
  5. Babash A.V. Information security. The history of information protection in Russia. – Moscow: University Book House (KDU), 2018. – 172 p.
  6. Bondarev V.V. Introduction to information security of automated systems. – Moscow: Bauman Moscow State Technical University (MSTU), 2018. – 585 p.
  7. Vasilkov A.V. Security and access control in information systems. Textbook. – Moscow: Forum, 2021. – 463 p.
  8. Glinskaya E.V. Information security of computer structures and systems. Textbook. – Moscow: INFRA-M, 2020. – 118 p.
  9. Devyanin P.N. Security analysis of access control and information flows in computer systems. – Moscow: Radio and Communications, 2018. – 176 p.
-

-
10. Kleimenov S.A. Information security and information protection. A textbook for students of higher educational institutions. Vulture of the Ministry of Defense of the Russian Federation. – Moscow: Academia, 2020. – 692 p.
  11. Krylov G.O. Basic concepts of information security. Textbook. – Moscow: Rusains, 2021. – 522 p.
  12. Poznyshev S.V. The basic principles of the science of criminal law. The general part of criminal law. – Moscow, 1912. – P. 133.
  13. Spasovich V.D. Textbook of criminal law. General Part. – St. Petersburg, 1863. – 104 p.
  14. Fedorov A.V. Information security. Political theory and diplomatic practice: monograph. – Moscow: MGIMO University, 2019. – 653 p.
  15. Yarochkin V. Security of information systems. – Moscow: Os-89, 2021. – 320 p.

ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЧВЕ

Р.Л. Савенков, Д.В. Алонцева

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(г. Елец, Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия религиозного преступления в отечественной уголовно-правовой доктрине. Авторами установлено, что на всем протяжении развития государства и государственности религия играла и играет большую роль в формировании общественно-политических норм и ценностей, оказывающих влияние на поведение людей. История взаимоотношения государства и церкви показывает влияние института религии на политическую и социальную жизнь. Одной из главных прерогатив и направлений государственной политики Российской Федерации является проблема сохранения духовно-нравственных ценностей.

Авторы полагают, что преступления, совершаемые на религиозной почве, относятся к категории преступлений, связанных с религиозными убеждениями или мотивами, включающими в себя противоправные действия разного рода, в частности, притязания на людей другой религии, осквернение или разрушение священных мест или объектов культа, пропаганду ненависти на религиозной основе и иные действия, связанные с нарушением религиозной гармонии общества и сознания граждан.

Авторы приходят к выводу, что преступления, совершаемые на религиозной почве, представляют собой сложные явления, связанные с социальными и духовными аспектами общества, вызванные различными причинами, отражающими противоречия и конфликты в обществе, нарушающими правопорядок и общественную безопасность. Важно понимать и изучать преступления данной группы для разработки эффективных мер по их предотвращению и борьбе с ними.

Ключевые слова: религия, религиозная преступность, определение, классификация религиозных преступлений, причины

DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-68-75

THE CONCEPT, CAUSES AND CLASSIFICATIONS OF CRIMES COMMITTED ON RELIGIOUS GROUNDS

Roman A. Savenkov, Dina V. Alontseva

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of religious crime in the Russian criminal law doctrine. The authors have established that throughout the development of the state and statehood, religion has played and plays an important role in the formation of socio-political norms and values that influence people's behavior. The history of the

---

---

relationship between the state and the church shows the influence of the institution of religion on political and social life. One of the main prerogatives and directions of the state policy of the Russian Federation is the problem of preserving spiritual and moral values.

The authors believe that crimes committed on religious grounds belong to the category of crimes related to religious beliefs or motives, including illegal actions of various kinds, in particular, claims against people of another religion, desecration or destruction of sacred places or objects of worship, propaganda of hatred on a religious basis and other actions related to violation of the religious harmony of society and the consciousness of citizens.

The authors conclude that crimes committed on religious grounds are complex phenomena related to the social and spiritual aspects of society, caused by various reasons reflecting contradictions and conflicts in society, violating law and order and public safety. It is important to understand and study the crimes of this group in order to develop effective measures to prevent and combat them.

Keywords. *Religion, religious crime, definition, classification of religious crimes, causes*

Религия больше и нечестивых сама
и преступных деяний рождала...
Тит Лукреций Кар

На всем протяжении развития государства и государственности религия играла и играет большую роль в формировании общественно-политических норм и ценностей, оказывающих воздействие на поведение людей. История взаимоотношения государства и церкви показывает влияние института религии на политическую и социальную жизнь, в частности, она служила опорой для русского государства, участвовала в образовании и культуре народа, в формировании духовно-нравственных ценностей. Несмотря на конституционный принцип светскости государства, институт религии продолжает оказывать влияние на общество, формируя духовные ценности и ориентиры, направляя поведение людей и участвуя в общественной жизни. Законодательством определен правовой статус религиозных организаций, выступающих в качестве социальных институтов, способствующих развитию благотворительности, образования, культуры как отдельного индивида, так и всего общества в целом.

Согласно Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об Утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» одним из направлений государственной политики является защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, тех ценностей, которые формировались на всем протяжении становления и развития нашего великого и могучего государства, основанного на православной традиции Византийской Империи.

На сегодняшний момент Российская Федерация представляет собой одно из самых многонациональных государств, а, следовательно, ей свойственна и многорелигиозность. На территории Российской Федерации распространены три мировые религии (христианство, ислам и буддизм), а также национальные религии (иудаизм) и традиционные верования (шаманизм, родовые культы). Около 74% населения страны считают себя

представителями религиозных конфессий. Основная часть граждан РФ исповедует православие.

В 2023 году Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) был проведен опрос, приуроченный ко Дню Крещения Руси. Согласно данным опроса, 57% россиян относят себя к последователям православия, которое является самой распространенной конфессией в нашем государстве [12].

В связи с выше указанным, одной из главных прерогатив Российской Федерации выступает вопрос о сохранности религиозных конфессий в рамках закона, чтобы представители одних религиозных течений не дискредитировали других, тем самым минуя проявления богохульства, экстремизма, терроризма, разжигания межнациональной неприязни на фоне религии, появление религиозных сект.

Как справедливо отмечает Башкатов Л.Д., религиозное преступление представляет собой «духовно-вредоносное, уголовно-противоправное, умышленное деяние, посягающее на религиозную свободу граждан или по мотиву религиозной ненависти или вражды, или в связи с исполнением религиозного ритуала» [3].

По нашему мнению, преступления, совершаемые на религиозной почве, относятся к категории преступлений, связанных с религиозными убеждениями или мотивами, включающими в себя противоправные действия разного рода, в частности, притязания на людей другой религии, осквернение или разрушение священных мест или объектов культа, пропаганду ненависти на религиозной основе и иные действия, связанные с нарушением религиозной гармонии общества и сознания граждан.

В отечественной доктрине преступления на религиозной почве принято делить на категории, в частности:

1. Религиозная дискриминация, включающая в себя действия, направленные на ущемление прав и свобод людей из-за их религиозного миропонимания.
2. Религиозный экстремизм, включающий использование религиозных убеждений для оправдания насилия и терроризма.
3. Религиозная ненависть, направленная на пропаганду ненависти и вражды на основе религиозных убеждений.
4. Религиозное преследование, содержащее систематическое преследование и дискриминацию людей из-за их религии.

Представленные категории преступлений на религиозной почве находятся в тесном взаимодействии, создавая сложные ситуации и вызывая серьезные последствия для общества и граждан.

Что же следует понимать под религиозными преступлениями?

В отечественной уголовно-правовой литературе выделилось несколько определений данного противоправного явления. Так, Л.Н. Башкатов определил религиозное преступление как «духовно вредоносное, уголовно-противоправное, умышленное деяние, посягающее на религиозную свободу граждан или по мотиву религиозной ненависти или вражды, или в связи с исполнением религиозного ритуала» [3].

Согласно Ю.В. Тихонравову, религиозные преступления трактуются «как нарушения законодательства о религии, общеуголовные преступления, совершенные по религиозным мотивам или под видом исполнения религиозных обрядов» [4].

По мнению М.М. Василенко, под религиозным преступлением следует понимать любое «посягательство на жизнь, здоровье, честь, достоинство, религиозную свободу

личности, ее собственность и на иные интересы общества и государства, совершаемое членами религиозных организаций по религиозному мотиву либо под видом исполнения религиозных обрядов» [4].

По нашему мнению, наиболее полно сущность понятия религиозное преступление раскрыта в определении М.М. Василенко.

На просторах современного информационного пространства все чаще можно услышать новостные сводки о том, что в разных точках мира происходят преступления террористического характера, которые совершаются исходя из религиозных верований. Религиозный контекст таких преступлений носит извращенный характер. Религиозная вера способна привести к развитию острых форм таких явлений, как ксенофобии, фанатизма, ненависти.

Так, например, в Германии в последние годы возрос уровень преступности на почве ксенофобии, антисемитизма и исламофобии. За 2022 год в европейской стране представителями радикальных группировок совершено 23083 преступления [5].

По данным ТАСС, в России за этот же год зарегистрировано более 1,5 тыс. преступлений экстремисткой направленности. Согласно статистике Генпрокуратуры о преступности в стране, эти данные являются наивысшим показателем за последние 5 лет [6].

Представленные выше страны являются многонациональными и многоконфессиональными в силу исторически сложившихся и продолжающихся складываться особенностей.

И возьмем для сравнения Швецию, в которой 80% населения не исповедуют никакой религии (атеисты), а сам уровень преступности в обществе является довольно низким [7]. После 2018 г. согласно данным информационных источников, в этой стране ситуация кардинально изменилась, в связи с увеличением числа беженцев, исповедующих ислам. Эту страну теперь сотрясают массовые акции протеста против исламизма. Руководитель подразделения по борьбе с терроризмом шведского национального оперативного отдела полиции Магнус Шеберг отмечает, что на данный момент в Швеции действует третий уровень террористической угрозы [7].

То есть, в свете данного контекста религию и преступность можно рассматривать как две категории, между которыми существует определенная связь и влияние.

Причин тому, что религия оказывает особое влияние на уровень преступности по всему миру, может быть несколько. Так, например, отдельные исследователи полагают, что главная причина подобных преступлений состоит в том, что современное общество неспособно регулировать межконфессиональные отношения.

Еще одна причина кроется в существовании различных деструктивных религиозных организаций, в идеологии которых зачастую заложена противоправная деятельность.

О.В. Старков отмечает, что «религиозная преступность порождается противоречиями социального духовного бытия и сознания, но, кроме того, ее последствия проявляются в обострении или, наоборот, смягчении, в зависимости от степени ее тяжести, распространенности этих же противоречий» [10].

Стоит поддержать О.В. Старкова, и согласится с тем, что специфика религиозной преступности действительно связана с внутренним миром человека, его ценностями, ориентирами, миропониманием и мотивами поведения. Религиозные убеждения –

это иницирующий фактор совершения преступления. Сложность при расследовании и в судебном разбирательстве религиозных преступлений связана с недоказуемостью религиозного мотива, являющегося связующим звеном в каждом конкретном случае, в этой связи действующая система законодательства должна учитывать специфику религиозной преступности, обеспечивая справедливое наказание за совершенные преступления, не допуская уход от ответственности на основе недоказуемости мотивов.

Причины и условия религиозных преступлений необходимо рассматривать не только в масштабе конкретного человека, но и группы лиц, и всего общества в целом. Как справедливо отмечает Сыроваткин А.Н., «если на социальном уровне причины и условия не зависят от типа и вида религиозных преступлений, их направленности, то на индивидуальном – содержание причин и условий однозначно определяется их видом, направленностью. В частности, с одной стороны, направленных против религии, Бога, религиозных организаций и священнослужителей, а с другой – совершаемых самими религиозными организациями и священнослужителями» [10, с. 34]. О.В. Старков и Л.Д. Башкатов весьма справедливо отмечают, что «социальные причины религиозной преступности – это противоречия в сферах социального религиозного бытия и духовного общественного сознания и их следует рассматривать как объективные и субъективные проблемы, трудности, недостатки развития религии в нашем обществе» [10, с. 34].

Кизилова А.А. полагает, что «религиозные преступления» - часто преступления террористического характера, которые находят себе идеологическое обоснование и оправдание в трактовках вероучения и направлены на защиту исламского мира против влияния или агрессии немусульманских стран и идеологий [8, с. 258]. Это направление заслуживает особого внимания, так как религиозные постулаты являются непосредственной причиной совершения преступлений в преимущественном количестве случаев.

В отечественной науке сложились определенные классификации религиозных преступлений.

Так, С.В. Познышев выделяет следующие виды религиозных деликтов: «1) умышленное принуждение к принятию, непринятию или отречению от каких-либо верований; 2) нарушение границ допустимой пропаганды религиозных верований (созращение в какое-либо религиозное учение лиц, не достигших возраста религиозного самоопределения и воспитываемых в иной вере); 3) нарушение свободы культа; 4) принуждение указанными выше средствами совершить или не совершить какое-либо действие, относящееся к культу, участвовать или не участвовать в совершении такового» [2, с. 87].

У Ю.В. Тихонравова классификация преступлений на религиозной почве также представлена 4 группами: «1) религиозные преступления; 2) нарушения законодательства о религиях (посягательства на свободу вероисповеданий и т.п.); 3) общеуголовные преступления, совершаемые по религиозным мотивам; 4) общеуголовные преступления, совершаемые под видом следования религиозным мотивам (в том числе под видом осуществления свободы вероисповеданий, под видом исполнения религиозных обрядов и т.п.)» [10].

О.В. Старков и Л.Д. Башкатов предлагают свою классификацию религиозных преступлений и выдвигают необходимость в выделении в теории уголовного права такого видового объекта, как религиозная свобода, а также введении в раздел VII «Пре-

---

ступления против личности» УК РФ главу «Религиозные преступления». По их мнению, «1. Следует выделить такой вид религиозных преступлений, как групповые, т.е. составы, где содержится упоминание совершения религиозного преступления группой лиц, объединением, смешанной группой или против группы лиц по их отношению к религии: а) организация объединения, посягающего на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ); б) геноцид – действия, направленные на полное или частичное уничтожение религиозной группы (ст. 357 УК РФ); в) нарушение равноправия граждан – нарушение равноправия граждан в зависимости от отношения к религии, причинившее вред правам и законным интересам граждан (ст. 136 УК РФ). 2. Религиозное преступление, выделенное как таковое исключительно по мотиву «религиозной ненависти или вражды»: а) убийство (ст. 105 ч. 2 п. «л» УК РФ); б) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 ч. 2 п. «е» УК РФ); в) умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 ч. 2 п. «е» УК РФ); г) истязание (ст. 117 ч. 2 п. «б» УК РФ). 3. Посягательства на религиозное равноправие граждан: а) нарушение равноправия граждан в зависимости от отношения к религии, причинившее вред правам и законным интересам граждан (ст. 136 УК РФ); б) возбуждение религиозной вражды – действия, направленные: а) на возбуждение религиозной вражды, а равно б) пропаганда 1) исключительности, 2) превосходства либо 3) неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, если эти деяния совершены: А – публично или Б – с использованием средств массовой информации (ст. 282 УК РФ); в) воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий: 1) незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или 2) незаконное воспрепятствование совершению религиозных обрядов (ст. 148 УК РФ)» [3, с. 37].

Таким образом, проведенный анализ доктринальных позиций представителей отечественной уголовно-правовой мысли говорит о преступлениях, совершаемых на религиозной почве как о сложных явлениях, связанных с социальными и духовными аспектами общества. Религиозные преступления могут быть вызваны различными причинами, отражая противоречия и конфликты в обществе, которые могут привести к нарушениям законов и норм. Важно понимать и изучать преступления данной группы для разработки эффективных мер по их предотвращению и борьбе с ними.

Литература

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Доступ к электронному ресурсу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/ (дата обращения 02.02.2024 г.)
2. Антипов Д.Н. Классификация преступлений, посягающих на религиозные отношения // Юридический журнал. – 2018. – № 32. – С. 85-91.
3. Башкатов Л.Д., Старков О.В. Криминология // Юридический центр-пресс. – 2004. – 409 с.
4. Бугаев В.А., Сударикова Т.Е. Влияние религии на преступность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 44-49.

---

5. В Германии растет преступность на почве ксенофобии, антисемитизма и исламофобии. Доступ к электронному ресурсу: <https://www.aa.com.tr/ru/2850578> (дата обращения 03.02.2024 г.)

6. В РФ в 2022 году зарегистрировали рекордное за пять лет число экстремистских преступлений. Доступ к электронному ресурсу: <https://tass.ru/obschestvo/16910891> (дата обращения 02.02.2024 г.)

7. В Швеции назвали страну целью исламистов из-за сожжения Корана. Доступ к электронному ресурсу: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/08/10/21044462> (дата обращения 01.02.2024 г.)

8. Кизилова А.А. Религиозная преступность: криминологические проблемы // *Мировая наука*. – 2020. – № 1(34). – С. 257-261.

9. Крутских А.О. Влияние религии на преступность // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». – 2020. – № 1(40).

10. Старков О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальная части: Учебник. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 1048 с.

11. Сыроваткин А.Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества: Дис. ... канд. филос. наук. Специальность: 09.00.11 – Социология – Социальные институты – Социология духовного развития общества – Социология религии. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2013. – 170 с.

12. Религия и общество: мониторинг. Доступ к электронному ресурсу: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obschestvo-monitoring> (дата обращения 02.02.2024 г.)

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/19/2022 No. 809 "On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" [Electronic resource]. Access to an electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/ (date of appeal 02.02.2024)

2. Antipov D.N. Classification of crimes encroaching on religious relations // *Law Journal*. – 2018. – No. 32. – Pp. 85-91.

3. Bashkatov L.D., Starkov O.V. *Criminotheology* // Law Center-press. – 2004. – 409 p.

4. Bugaev V.A., Sudarikova T.E. The influence of religion on crime // *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University Law Sciences*. – 2016. – Vol. 2 (68). – No. 4. – Pp. 44-49.

5. Crime motivated by xenophobia, anti-Semitism and Islamophobia is growing in Germany. Access to an electronic resource: <https://www.aa.com.tr/ru/2850578> (accessed 02/03/2024)

6. In the Russian Federation in 2022, a record number of extremist crimes was registered in five years. Access to an electronic resource: <https://tass.ru/obschestvo/16910891> (date of appeal 02.02.2024)

---

7. In Sweden, the country was named the target of Islamists because of the burning of the Koran. Access to an electronic resource: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/08/10/21044462> (accessed 02/01/2024)

8. Kizilova A.A. Religious crime: criminological problems // World Science. – 2020. – No. 1(34). – Pp. 257-261.

9. Krutskikh A.O. The influence of religion on crime // "Scientific and practical electronic journal Alley of Science". – 2020. – № 1(40).

10. Starkov O.V. Criminology: General, Special and Special parts: textbook. – St. Petersburg: Law Center Press, 2012. – 1048 p.

11. Syrovatkin A.N. Destructive influence of non-traditional religious movements on the spiritual security of modern Russian society: Dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. Specialty: 09.00.11 – Sociology – Social institutions – Sociology of the spiritual development of society – Sociology of religion. – Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, 2013. – 170 p.

12. Religion and society: monitoring. Access to an electronic resource: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (accessed 02.02.2024)

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.А. Очеретько, Е.А. Плахотная

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

(г. Елец, Россия)

***Аннотация.** Сегодня объекты археологического и историко-культурного наследия охраняются как отдельными государствами, так и на международно-правовом уровне. Указанные объекты имеют колоссальное значение для преемственности культуры, традиций и жизнедеятельности поколений различных эпох. Для гармоничного развития народов, населяющих страну, обеспечения безопасности и целостности государства необходимо помнить и чтить культуру предков, их достижения в искусстве, быте, установлении мира. Народы, не помнящие своего прошлого – не могут иметь будущего. В связи с этим необходимо формулировать в среде населения бережное отношение к памятникам архитектуры, культуры, природным историческим памятникам и реликвиям. В первую очередь это должно закрепляться на уровне самосознания человека, в его моральных и нравственных ценностях.*

Авторы статьи делают акцент на необходимости формирования правосознания населения, направленного на бережное отношение к артефактам, их охране, как со стороны рядовых граждан (исследователей, ученых, туристов), так и должностных лиц, ответственных за их сохранность; реставраторов, техников. Необходимо осуществлять защиту указанных ценностей правовыми мерами и средствами, в том числе и на межгосударственном, международном уровне. Поскольку нередко одни и те же культурные и исторические ценности выступают не только национальным достоянием, но и имеют значение особо ценных предметов или архитектурных комплексов, природных заповедников в общемировом масштабе.

Авторами сделан вывод, что археологическое наследие страны и мира – это такие артефакты, которые свидетельствуют об истоках государственности, основах и глубинном смысле ценностей предыдущих эпох и целых поколений, мощи культурного богатства и глубины национально-исторической памяти. Сохранение, изучение и охрана археологического наследия государства немислимы без эффективного правового регулирования.

***Ключевые слова:** археологическое и историко-культурное наследие, объект археологического наследия, уголовная ответственность, вандализм, уголовно-правовая охрана объектов археологического наследия.*

DOI 10.24888/2949-3293-2024-4-4-76-85

ON CERTAIN ASPECTS OF THE CRIMINAL LAW PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena A. Ocheretko, Ekaterina A. Plakhotnaya

Bunin Yelets State University

(Yelets, Russia)

***Abstract.** Today, archaeological and historical and cultural heritage sites are protected both by individual States and at the international legal level. These objects are of great importance for the continuity of culture, traditions and the life of generations of different eras. For the harmonious development of the peoples inhabiting the country, ensuring the security and integrity of the state, it is necessary to remember and honor the culture of their ancestors, their achievements in art, everyday life, and the establishment of peace. Nations that do not remember their past cannot have a future. In this regard, it is necessary to formulate among the population a careful attitude towards monuments of architecture, culture, natural historical monuments and relics. First of all, this should be fixed at the level of a person's self-awareness, in his moral and moral values. The authors of the article emphasize the need to form a legal awareness of the population aimed at caring for artifacts and their protection, both from ordinary citizens (researchers, scientists, tourists) and officials responsible for their safety; restorers, technicians. And, secondly, it is necessary to protect these values by legal measures and means, including at the interstate and international level. Since often the same cultural and historical values are not only a national treasure, but also have the significance of especially valuable objects or architectural complexes, nature reserves on a global scale.*

The authors conclude that the archaeological heritage of the country and the world are such artifacts that testify to the origins of statehood, the foundations and deep meaning of the values of previous eras and entire generations, the power of cultural wealth and the depth of national historical memory. The preservation, study and protection of the archaeological heritage of the state is unthinkable without effective legal regulation.

***Keywords:** archaeological and historical and cultural heritage, archaeological heritage site, criminal liability, vandalism, criminal protection of archaeological heritage sites*

В Российской Федерации область охраны памятников археологии основывается на положениях ст. 44 Конституции РФ [1], в соответствии с которой каждый имеет право на участие в культурной жизни страны и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям и обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Они являются частью прав и свобод человека и гражданина. Среди объектов культурного наследия памятники археологии являются наиболее уязвимыми, так как многие из них не обнаружены до сих пор. Поэтому любая деятельность, связанная с какими-либо земляными работами, а тем более деятельность «черных копателей» потенциально является угрозой их сохранности.

Основным нормативным актом, регулирующим вопросы сохранения и государственной охраны археологического наследия, является Федеральный закон РФ № 73-

---

ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – федеральный закон № 73-ФЗ) [2], и принимаемые в соответствии с ним федеральные законы и иные правовые акты. Указанный федеральный закон имеет большое значение для развития российского законодательства об охране памятников истории и культуры.

Кроме того, в Российской Федерации отношения в области охраны памятников археологии регулируются такими нормативно-правовыми актами, как: Федеральный закон № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [4], Уголовный кодекс Российской Федерации [5], Градостроительный кодекс Российской Федерации [6], Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [7], а также иные нормативно-правовые акты.

Рассмотрим правовой статус объекта археологического наследия и иных смежных объектов. В соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ, под объектом археологического наследия понимаются частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации которых являются археологические раскопки или находки. Объекты археологического наследия – городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои.

Считаем важным проанализировать вопросы уголовно-правовой охраны объектов археологического наследия в России. Представляется, что археологическое наследие государства – это неоспоримый элемент идентичности любого народа, нации. Поэтому вандализм, покушение на повреждение или уничтожение рассматриваемых объектов представляют собой критичную степень общественной опасности. При данных действиях преступных лиц причиняется вред культурным ценностям не только отдельно взятого государства. Это невосполнимая утрата мирового масштаба. Не только Российская Федерация, но и любое отдельно взятое государство традиционно имеет свои исторические артефакты, источники подтверждения существования государственности. И непозволительно допустить их повреждения или полного уничтожения. Причем потерей для государства, а следовательно, крупным ущербом может являться не только повреждение архитектурного комплекса или отдельных его элементов, но и посягательство на иконы, картины, монеты, денежные знаки.

Так, на наш взгляд, важнейшей проблемой в сфере охраны объектов археологического наследия является проблема пресечения незаконного проведения археологических полевых работ; недобросовестное их проведение, хотя и имеющее правовую легитимацию; небрежное выполнение отдельных мероприятий – так как это может нанести существенный вред всей нации. Нелегитимное вмешательство в культурные слои почвы, подводный слой земли, скалы – иногда безвозвратно лишают возможности археологических изысканий, умаляя историческое прошлое нашей страны. В особенности недопустимо, когда незаконно найденные предметы культуры, истории и быта народов России оказываются в частных коллекциях и «черных рынках» вместо нахождения их в

структуре государственного фонда культурного наследия Российской Федерации. Поскольку формирование полной и достоверной информации о выявленных объектах археологического наследия – важное направление обеспечения их сохранности, научного изучения и систематизации культурных объектов.

Однако федеральный закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», однозначно указывает на позицию государства РФ, направленную на защиту археологического наследия, сохранение исторических артефактов для последующих пользователей и хранителей культурного наследия. В обозначенном нормативном правовом акте была выражена позиция законодателя относительно степени важности для государства указанных объектов исторической памяти.

Представляется, что ст. 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей имеет комплексный подход к определению объектов, подлежащих охране – памятники, в том числе природные комплексы, культурные ценности и другое. Санкция данной статьи устанавливает штраф – три миллиона рублей либо лишение свободы до трех лет. Квалифицирующими признаками выступают качественные характеристики объекта преступного посягательства – особо ценные объекты культурного наследия народов России, а также входящие в Список всемирного наследия историко-культурных заповедников или музеев-заповедников либо в отношении объектов археологического наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленных объектов археологического наследия. Все они включаются в Единый реестр объектов культурного наследия. В данном случае санкция устанавливается в размере до пяти миллионов рублей или лишение свободы до шести лет.

Как видим, законодатель увеличивает размеры штрафов с учетом ценности самого объекта. Эти меры, в современных условиях, представляются крайне необходимыми.

Также закон предусматривает уголовную ответственность за уклонение от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении археологических или хозяйственных работ предметов, имеющих особую культурную ценность и значение для культуры и наследия страны.

Ст. 7.14 УК РФ устанавливает ответственность за производство земельных и иных строительных работ на территориях, подпадающих под статус объектов культурного наследия.

Ст. 243.2 УК РФ предусматривает ответственность за незаконный поиск или изъятие предметов из мест залегания. В данном случае под объект правонарушения попадают не только сами культурные ценности, но и культурный слой земли (место залегания), в том числе и в случае применения высокотехнологичного оборудования.

Ст. 243.3 УК РФ устанавливает ответственность за уклонение исполнителя земельных работ от передачи найденных исторических и культурных ценностей в госу-

---

дарственный фонд в случае, если они найдены в крупном размере. Однако, как представляется, любые предметы быта, культуры, творчества предыдущих поколений, являясь общенациональным достоянием, не могут быть гордостью частных коллекций.

Что касается отдельного аспекта культурных ценностей – ввоза и вывоза их с территории России, то сегодня это стоит на особом контроле в деятельности правоохранительных органов. Данные преступления необходимо рассматривать с позиций различных субъектов преступлений. В первом случае таковым может быть любой рядовой гражданин, во втором – специальный субъект, являющийся, например, экспертом, искусствоведом и иным лицом, обладающим специальными знаниями в данной области. В качестве примера можно рассмотреть определение Московского городского апелляционного суда от 03 апреля 2019 г. в отношении гражданки Е.К. и иных соучастников преступления, которым вменялись незаконный вывоз с территории России культурных ценностей группой по предварительному сговору. Наказание виновным назначалось по ч. 2 ст. 190 УК РФ, поскольку было осуществлено группой лиц по предварительному сговору. Объектом посягательства выступили одиннадцать православных икон XVI-XIX веков. По межправительственному договору иконы передавались для выставки в США на срок до двух лет (на период 2010-2013 годов). В дальнейшем обвиняемая вывезла еще пять икон. Все они должны были быть возвращены в Россию до 15 ноября 2015 года, однако этого не произошло. Впоследствии решениями судов вывезенные иконы надлежало вернуть на территорию России, а указанные граждане подлежали уголовному наказанию.

Статья 7.13. КоАП РФ «Нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» предусматривает наказание за правонарушения в рассматриваемой сфере. В данном нормативном правовом акте установлена ответственность в большей степени за нарушение земельного законодательства, исходя из критериев зон охраны указанных объектов. Несмотря на характер административного правонарушения, а не уголовного преступления, санкция за данные деяния устанавливается в виде штрафа в размере от двадцати до четырехсот тысяч рублей для физических лиц и от двухсот тысяч до пяти миллионов в отношении юридических лиц. Далее предусмотрена санкция за квалифицированные виды правонарушений. В данной статье делается отсылка к Перечню объектов культурного наследия, утвержденных Правительством России. КоАП РФ в отношении санкции за нарушение требований к архитектурному решению отсылает к нормам градостроительных регламентов.

Таким образом, следует отметить, что в современной России имеется объективная необходимость применения мер наиболее жесткого государственно принуждения посредством установления уголовно-правового запрета. А анализ вышеуказанных норм говорит нам о существенном ужесточении наказания. Однако, следует отметить, что само по себе принятие закона не может остановить проведение к примеру незаконных полевых работ. Большое значение в этой области имеет практическая реализация его норм.

На сегодняшний день в России сложилась довольно обширная правоприменительная практика, связанная с наказанием за умышленное либо неумышленное повреждение объектов культурного, в том числе природного наследия.

Так, одно из уголовных дел было возбуждено, например, следственным отделом ОМВД России по Харабалинскому району, где в дальнейшем судом было принято решение о назначении наказания в виде 1 года 6 месяцев условно с испытательным сроком в полтора года. Преступление заключалось в незаконном поиске археологических предметов из мест залегания на территории Кучугур с. Селитренное, включенного в объект культурного наследия федерального значения «Городище Сарай-Бату», с применением специальных средств. Данная незаконная деятельность была пресечена сотрудниками Федеральной службы безопасности, а виновные наказаны.

Также Белинский районный суд Пензенской области в 2021 году вынес обвинительный приговор по уголовному делу «черных копателей». Как было установлено, что в мае 2020 года пять граждан вступили в преступный сговор, при помощи металлоискателей незаконно посетили памятник археологии «селище Агапово-1», где ими были обнаружены различные предметы, возраст которых превышал сто лет. Указанные лица нелегитимно извлекли 34 предмета, в числе которых были: иконы, монеты, нательные кресты, имеющие историческую, культурную и научную ценность для государства. При взаимодействии органов МВД и ФСБ их деятельность была пресечена на месте совершения преступления, а судом назначен приговор от 1 года 6 месяцев до 1 года 8 месяцев условно. А изъятые предметы культурного наследия обращены в пользу государства.

Отдельно стоит поговорить о случаях вандализма. В Хабаровском крае в 2023 году нападению вандалов подвергся памятник древнего наскального искусства – каменная стена с петроглифами Киинской писаницы в поселении района имени Лазо. Надписи были сделаны прямо непосредственно на самых древних изобретениях эпохи неолита пятитысячелетней давности. Ученые считают, что любой механизм последующего устранения надписей – это дополнительное отрицательное воздействие на охраняемый объект [8].

В Башкирии в 2019 году вандалы повредили памятник архитектуры «Симоновская мельница» (недостроенная церковь в Стерлитамаке периода 1910-1913 годов возведения). Данное здание подверглось демонтажу злоумышленниками [9].

В Республике Хакасия в 2022 году злоумышленники незаконно изобразили на памятнике археологии «Пещера Тохзасская-1» следующую надпись «Семья Шмайсер. 2021», «Богучаны 2021. Владя. Катя» [10]. В указанных случаях возбуждение уголовного дела повлекло наказание для виновных в размере пятимиллионного штрафа.

В Республике Ингушетия в 2023 году нападению подвергся памятник истории и культуры – древний храм Альби-Ерды (с. Таргим). Стены подверглись надписям, а в храме преступники жгли костер [11].

В 2024 года имел место случай, когда иностранный гражданин сделал надпись на Поспеловской батарее, комплексно входящей в состав Владивостокской крепости в Приморском крае. Иностранец не знал, что это памятник, надпись произвел краской из баллончика «Akosh+Sasha». Вместе с тем данный объект является памятником воинской славы России. Следственные органы на данный момент квалифицируют указанное деяние, как «умышленное разрушение или повреждение памятников истории и культуры». За данное деяние санкцией ст. 243 УК РФ предусматривается наказание в размере двух лет лишения свободы. Еще более негативным действиям вандалов в 2016 году подвергся следующий объект культурного наследия страны – Двор-

---

цовая площадь в Санкт-Петербурге, где было похищено двадцать квадратных метров брусчатки, что составило две тысячи каменных плиток [12].

Зачастую страдают и отдельные культурные ценности. Так, в 2018 году в Москве в здании Третьяковской галереи правонарушитель совершил попытку повреждения картины Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» [13].

Подобные случаи вандализма имеют место и в других государствах и приносят колоссальный ущерб всему мировому наследию. Так, например, британский турист незаконно нанес надпись в виде собственного имени на объект культурного наследия – стену римского Колизея. Свое поведение он объяснил незнанием статуса данного архитектурного сооружения. Другой Автор сделал надпись «Ivan+Hauley23» на кирпичной стене амфитеатра Флавиев. Между тем наказание за данное преступление устанавливается в виде штрафа от двух с половиной до пятнадцати тысяч евро, либо заменяется лишением свободы на срок от двух до пяти лет [14].

В Египте трех иностранных граждан осудили за кражу ценностей из пирамиды Хеопса. А в Калифорнии из музея ветеранов украли пушку времен Первой мировой войны.

Следует отметить, что субъектом правонарушения может выступать и специальный субъект правонарушения, то есть лицо, осуществляющее профессиональную деятельность по обеспечению сохранности объекта, представляющего собой культурную ценность. Например, в мировой практике известен случай, когда профессиональный скульптор недобросовестно осуществлял реставрацию скульптуры фараона Тутанхамона в Египте. Составом преступления выступает факт падения статуи из рук рабочих и последующее восстановление ее элементов путем применения эпоксидного клея, повредившего отдельные части скульптуры, которой уже свыше трех тысяч лет.

Археологическое наследие страны и мира – это такие артефакты, которые свидетельствуют об истоках государственности, основах и глубинном смысле ценностей предыдущих эпох и целых поколений, мощи культурного богатства и глубины национально-исторической памяти. Сохранение, изучение и охрана археологического наследия государства немислимы без эффективного правового регулирования. Однако наряду с правовым регулированием охраны культурных ценностей полагаем необходимым проведение в государстве мероприятий информационного характера. Данные мероприятия могут проводиться в рамках акций просветительского характера в дошкольных, школьных образовательных учреждениях, библиотеках, досуговых центрах, путем размещения социальной рекламы. Все эти мероприятия должны иметь целью формирование у населения бережного отношения к объектам культурного, исторического, природного наследия, моральных установок по сохранению национального богатства, памяти предков и передачи данных объектов будущим поколениям. Уголовное право, хотя и имеет одной из целей охранительную и превентивную функцию управления обществом, но все же, каждому гражданину страны следует «начинать с себя», тогда мы сможем воспитать будущее поколение достойным своих традиций и корней. Исключительно тогда отдельно взятая страна сможет не только сохранить свою культурную идентичность, но и внедриться в общемировой процесс бережной охраны археологических, природных и иных культурных памятников и предметов. Кроме этого, считаем необходимым проработать техническую сторону данного вопроса, а именно, в местах

пропуска на территорию культурных, исторических архитектурных комплексов и природных заповедников – размещать таблички информационного характера, где не просто указывать наименование, дату возникновения того или иного объекта и ответственные за его сохранность организации, но и указание на статьи нормативных правовых актов, устанавливающих ответственность за повреждение данных объектов или утрату. Только таким образом можно сберечь доставшиеся нашему поколению ценности и передать их потомкам.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=Itsjkoi85s970444743 (дата обращения: 29.02.2024).

2. Федеральный закон РФ от 23.06.2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/?ysclid=Itsjo12wsb774575680 (дата обращения: 29.02.2024).

3. Федеральный закон РФ от 21.12.2001 г. №178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/?ysclid=Itsjq36pqc214623059 (дата обращения: 29.02.2024).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=Itsjrsw1o133394529 (дата обращения: 29.02.2024).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=Itsjtj61h8311542772 (дата обращения: 29.02.2024).

6. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/?ysclid=Itsjaxabisf375754729 (дата обращения: 29.02.2024).

7. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/?ysclid=Itsjvmiwnb688208702 (дата обращения: 29.02.2024).

8. Вандалы повредили памятник древности в Хабаровском крае // <https://www.todaykhv.ru/news/incident/65232/?ysclid=Itsjz0sl91483090022> (дата обращения: 29.02.2024).

9. В Башкирии вандалы повредили памятник архитектуры «Симоновская мельница» <https://ufa1.ru/text/culture/2019/01/30/65893611/?ysclid=ItsK0tin2r34448444> (дата обращения: 29.02.2024).

10. В Хакасии вандалы повредили памятник археологии // <https://regnum.ru/news/3475527?ysclid=ItsK3782e9299538839> (дата обращения: 29.02.2024).

11. Вандалы повредили древний христианский храм в Ингушетии // <https://obzor.io/2019/08/21/vandaly-povredili-drevnij-xristianskij-xram-v-ingushetii-13221?ysclid=ItsK4bdvii597157566> (дата обращения: 29.02.2024).

---

12. Иностранец разрисовал памятник во Владивостоке, думая, что это обычная стена // <https://ria.ru/20240305/krepost-1931124544.html> (дата обращения: 29.02.2024).

13. Вандал объяснил, почему напал на картину Репина в Третьяковке // <https://ria.ru/20180526/1521447370.html> (дата обращения: 29.02.2024).

14. Не подумал, что это памятник: на крепость во Владивостоке напал иностранец // <https://ria.ru/20240305/krepost-1931124544.html> (дата обращения: 29.02.2024).

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=ltsjkoi85s970444743 (date of reference: 02/29/2024).

2. Federal Law of the Russian Federation dated 06/23/2002 No.73-FZ "On Cultural Heritage Sites (historical and Cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/?ysclid=ltsjo12wsb774575680 (accessed: 02/29/2024).

3. Federal Law of the Russian Federation No. 178-FZ dated December 21, 2001 "On Privatization of State and Municipal Property" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/?ysclid=ltsjq36pqc214623059 (date of application: 02/29/2024).

4. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=ltsjrsw1o133394529 (accessed: 02/29/2024).

5. Federal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=ltsjtj61h8311542772 (date of reference: 02/29/2024).

6. State Code of the Russian Federation" dated 12/29/2004 No. 190-FZ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/?ysclid=ltsjxabisf375754729 (date of application: 02/29/2024).

7. Law of the Russian Federation dated 04/15/1993 No. 4804-1 "On the export and import of cultural property" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/?ysclid=ltsjywiwnb688208702 (accessed 02/29/2024).

8. Vandals stole a monument of antiquity in the Khabarovsk Territory // <https://www.todaykhv.ru/news/incident/65232/?ysclid=ltsjz0sl9l483090022> (date of reference: 02/29/2024).

9. In Bashkiria, vandals created a memorial sign to the artist "Simonovskaya Mill" // <https://ufa1.ru/text/culture/2019/01/30/65893611/?ysclid=ltsk0tin2r34448444> (date of reference: 02/29/2024).

10. Vandals defeated an archaeological monument in Khakassia // <https://regnum.ru/news/3475527/?ysclid=ltsk3782e9299538839> (accessed: 02/29/2024).

11. Vandals defeated the ancient Russian temple in Ingushetia // <https://obzor.io/2019/08/21/vandaly-povredili-drevnij-xristianskij-xram-v-ingushetii-13221/?ysclid=ltsk4bdviy597157566> (date of reference: 02/29/2024).

12. A foreigner painted a memo in Vladivostok, thinking that such an ordinary article // <https://ria.ru/20240305/krepost-1931124544.html> (date of appeal: 02/29/2024).

---

13. Vand explained why he attacked the painting replica in the Tretyakov Gallery // <https://ria.ru/20180526/1521447370.html> (date of application: 02/29/2024).

14. I did not think that this was a monument: a foreigner attacked the fortress in Vladivostok // <https://ria.ru/20240305/krepost-1931124544.html> (date of application: 02/29/2024).

НАШИ АВТОРЫ

Алонцева Дина Викторовна, доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: dina.alontseva@mail.ru

Голик Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (Москва, Россия); почтовый адрес: 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12; электронная почта: ygolik@list.ru

Жаглин Андрей Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент ЦФ ФГБОУВО «РГУП», г. Воронеж; почтовый адрес: 394006, Центральный федеральный округ, Воронежская область, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 95; электронная почта: gagdrej@mail.ru

Иншакова Ксения Павловна, магистрант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия) почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: kp.inshakova@dominantsugar.ru

Карсканова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, преподаватель Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (Москва, Россия) почтовый адрес: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2.

Мирончуковская Виктория Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: bosfor4878@mail.ru

Овчинников Алексей Игоревич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южный федеральный университет. (Ростов-на-Дону, Россия); почтовый адрес: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; электронная почта: info@sfedu.ru

Орехов Константин Юрьевич, аспирант кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: constantine.pozhidaev@yandex.ru

Очеретько Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: lena.ocheretko@yandex.ru

Плахотная Екатерина Алексеевна, магистрант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия) почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: nasonova1993@bk.ru

Поваляева Алина Витальевна, магистрант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия) почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: rovalyaeva.alina@yandex.ru

---

Полтавский Богдан Сергеевич, магистрант Центрального филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», г. Воронеж; почтовый адрес: г. Воронеж, Московский проспект, 97; электронная почта: leonard9696@mail.ru

Рыбалко София Сергеевна, магистрант Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, г. Елец; почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: fisher.sofia@yandex.ru

Савенков Роман Алексеевич, магистрант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия) почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: r.sav1992@mail.ru

Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород, Россия); почтовый адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; электронная почта: elena_safronova_2010@mail.ru

Чернышева Юлия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: lavytrans@mail.ru

---

OUR AUTHORS

Dina Viktorovna Alontseva, Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov of I.A. Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; e-mail: dina.alontseva@mail.ru

Yuri Vladimirovich Golik, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russia); postal address: 12 Vrubel str., Moscow, 125080; e-mail: ygolik@list.ru

Andrey Vyacheslav Zhaglin, Candidate of Law, Associate Professor of the Central Federal State Budgetary Educational Institution "RGUP", Voronezh; postal address: 394006, Central Federal District, Voro-Nezhskaya region, Voronezh, ul. 20-letiya Oktyabrya, 95 electronic mail: gag-drej@mail.ru

Ksenia Pavlovna Inshakova, undergraduate student Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; e-mail: kp.inshakova@dominantsugar.ru

Svetlana Viktorovna Karskanova, Candidate of Law, lecturer, O.E. Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia) postal address: 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, p. 2.

Victoria Viktorovna Mironchukovskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov of the Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; e-mail: bosfor4878@mail.ru

Alexey Igorevich Ovchinnikov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University.(Rostov-on-Don, Russia).postal address: 105/42 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006. e-mail: info@sfedu.ru

Konstantin Yuryevich Orekhov, Postgraduate student of the V.G. Ermakov Department of Jurisprudence, I.A. Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; e-mail: constantine.pozhidaev@yandex.ru

Elena Aleksandrovna Ocheretko, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov of the Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; electronic mail: lena.ocheretko@yandex.ru

Ekaterina Alekseevna Plakhotnaya, undergraduate student Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; e-mail: nasonova1993@bk.ru

Alina Vitalievna Povalyaeva, undergraduate student Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; povalyaeva.alina@yandex.ru

Bogdan Sergeevich Poltava, Master's student of the Central Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of

---

Justice", Voronezh, postal address: Voronezh, Moskovsky Prospekt, 97. e-mail: leonard9696@mail.ru

Sofia Sergeevna Rybalko, undergraduate student Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; e-mail: fisher.sofia@yandex.ru

Elena Viktorovna Safronova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia); postal address: 85 Pobedy str., Belgorod, 308015; e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru

Yulia Andreevna Chernysheva, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov of the Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; electronic mail: lavytrans@mail.ru

Roman Alexeyevich Savenkov, undergraduate student Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); postal address: 399770, Yelets, Kommunarov str., 28; e-mail: r.sav1992@mail.ru

---

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28.
Телефон: 8(47467) 2-26-27 (ответственный секретарь – Юлия Андреевна Чернышева).

E-mail: jurn.book@yandex.ru

Журнал «Вопросы государства и права» является научным журналом, в котором рассматриваются актуальные теоретические и практические проблемы становления и развития государства и права, истории политической и правовой мысли, актуальные аспекты права и правоприменения на современном этапе.

Журнал издается с 2023 года. Журнал учрежден Елецким государственным университетом имени И.А. Бунина, является подписным периодическим научным изданием. Выходят 4 номера в год.

Полные требования к публикации размещены на сайте https://elsu.ru/state_lav/

INFORMATION FOR AUTHORS

Address of the editorial office: 399770, Lipetsk region, Yelets, 28, Kommunarov Street.

Tel. 88(47467) 2-26-27 (executive secretary – Chernysheva Yulia Andreevna).

E-mail: : jurn.book@yandex.ru

Journal "Questions of State and Law" is a scientific journal, which examines the current theoretical and practical problems of the formation and development of state and law, the history of political and legal thought, current aspects of law and law enforcement at the present stage.

The magazine has been published since 2023. Journal was founded by Bunin Yelets State University and is a subscription scientific periodical. Four issues a year come out.

Full information is presented on site https://elsu.ru/state_lav/

Научный журнал

Вопросы государства и права
№ 1 (4) / 2024

Редактор – С.Е. Гридчина
Техническое исполнение – В.М. Гришин

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 20.03.2024
Дата выхода в свет 21.03.2024
Бумага 45,5 п.л. Формат А-4. Гарнитура Times.
Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 15
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: jurn.book@yandex.ru
Сайт редколлегии: https://elsu.ru/state_lav/redkol/

Подписной индекс журнала **№ 43283** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, Коммунаров, 28, 1